

Берлек

Единство

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

**ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА
В РОССИИ И СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЧАСТЬ II**

Уфа 2018

ЦЕНТР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«БЕРЛЕК – ЕДИНСТВО»

**ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА
В РОССИИ И СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЧАСТЬ II**

Уфа – 2018

УДК 327
ББК 66.5(0)
М-91

*Проект реализуется с использованием гранта
Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества,
предоставленного Фондом президентских грантов.*

Авторы: **Мурзагалеев Р.И., Сулейманов А.Р., Чекрыжов А.В.,
Мурзагалеев Б.Р.**

Профилактика экстремизма в России и странах Центральной Азии:
часть II – ООО «Издательство «Диалог» – Уфа, 2018. – 74 с.

ISBN 978-5-94524-204-3

Аналитический доклад «Профилактика экстремизма в России и странах Центральной Азии: часть II» посвящён проблеме экстремизма на религиозной почве в Казахстане, Таджикистане и Туркменистане. Мы исходим из того, что Россия и страны Центральной Азии сталкиваются со схожими проблемами активизации экстремистских угроз. От их системного изложения, консолидации общих усилий экспертов во многом зависит эффективность борьбы с идеологией экстремизма и радикализма.

Данный аналитический доклад адресован учёным, преподавателям, аспирантам и докторантам гуманитарных дисциплин, студентам гуманитарных вузов, представителям отечественного и зарубежного экспертного сообщества, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами профилактики экстремизма.

Подготовленный материал может быть использован для организации работы образовательных учреждений, общественных структур, разработки проектов и реализации мероприятий, направленных на профилактику экстремизма вне зависимости от форм его проявления.

© ЦГИ «Берлек – Единство»

ISBN 978-5-94524-204-3

УДК 327
ББК 66.5(0)
М-91

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Проблема экстремизма на религиозной почве в Казахстане: фактор идентификации.....	6
Глава II. Проблема экстремизма на религиозной почве в Таджикистане: фактор трудовой миграции.....	24
Глава III. Проблема экстремизма на религиозной почве в Туркменистане: фактор закрытости и неопределённости.....	37
Общие выводы.....	48
Список рекомендуемой литературы.....	62

ВВЕДЕНИЕ

Центральноазиатский регион в разные исторические эпохи вызывал особый геополитический и геоэкономический интерес у государств как мирового, так и регионального значения. С распадом СССР и обретением своей независимости республики Центральной Азии автоматически становились равноправными субъектами международных отношений, но наряду с этим стали более подвержены влиянию новых угроз и рисков политического, экономического и социального характера.

По мнению С.А. Мырзаибраимова: «Анализируя деятельность религиозно экстремистских группировок и организаций на территории центрально азиатских стран становится ясно, что деятельность таких организаций обусловлено не только внутренними процессами, которые происходят в странах Центральной Азии, но и существующими геополитическими реалиями в регионе, а также в результате транснациональных сил и динамик. Кроме того, они являются неким ответом историческим обстоятельствам и прецедентам, социально-экономическим факторам, культурным и религиозным рамкам. Религиозный экстремизм стал одним самых краевых проблем в обеспечении безопасности не только в странах Центральной Азии, но и в Евразийском регионе в целом»¹.

Для эффективного противодействия экстремизму на религиозной почве, который в последнее время обретает серьёзную ресурсную базу в странах Центральной Азии (после событий в Сирии, Афганистане, Пакистане), требуются усилия не только органов государственной власти, но и общественности, и, в первую очередь, экспертов и экспертно-аналитических сообществ, как наиболее информативных субъектов общественных отношений.

В то же время, судя по публикациям последнего времени, экспертное сообщество не имеет общего видения в вопросах противодействия глобальным угрозам человечества: экстремизм, терроризм, религиозный радикализм, сепаратизм. Многие экспертные оценки опосредованы

¹ Мырзаибраимов С.А. Религиозно-экстремистские организации в центральноазиатских странах (на примере Кыргызстана) // Молодой ученый. – 2016. – № 18. – С. 384-388.

и ограничиваются зоной ответственности своего государства или локальной территории проживания. При этом проблема экстремизма шире и фундаментальнее отдельных аналитических разработок особенно в регионах близлежащих к территориям с нестабильными политическими режимами.

Сегодня следует констатировать, что в центральноазиатском регионе и его республиках сложились достаточно серьёзные угрозы безопасности. И проблема экстремизма на религиозной почве занимает среди них особое место и выражена в следующих признаках: оппозиционное отношение к светским политическим режимам; упор на молодёжь и формирование протестных настроений в обществе; институционализация и организационное оформление в религиозную структуру (политическую партию); финансовая и организационная поддержка со стороны отдельных исламских государств и не только; вербовочная деятельность в социальных сетях и т.д.

При этом в каждой центральноазиатской республике причины активизации идеологии экстремизма на религиозной почве, при всей своей схожести, имеют свои особенности. В данной работе была предпринята попытка комплексного решения проблемы, но с учётом индивидуальных особенностей протекания экстремистских угроз в трёх республиках – Казахстане, Таджикистане и Туркменистане.

В данном аналитическом докладе предпринята попытка комплексного изучения причин появления и распространения экстремизма на религиозной почве в Казахстане, Таджикистане и Туркменистане. Все причины в работе разделены на объективно возникшие и имеющие субъективный характер. Деление является условным, поскольку чётких границ между ними нет и многие из причин взаимообусловлены и взаимосвязаны.

ГЛАВА I.

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА НА РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЧВЕ В КАЗАХСТАНЕ: ФАКТОР ИДЕНТИФИКАЦИИ

Проблема экстремизма на религиозной почве представляет собой серьёзную опасность для Республики Казахстан. В советское время отсутствовала ресурсная база экстремизма, способная привести к проблеме (атеизм; слабая распространённость исламских течений в республике (исключение составляет юг Казахстана); «железный занавес» и изоляция от внешних угроз; тенгрианство и т.д.), поэтому угроза приобрела реальное выражение и ощутимые масштабы в Казахстане только после обретения независимости.

Как пишет К.И. Поляков: «С обретением Казахстаном независимости ситуация кардинально изменилась. В стране было провозглашено право на свободу вероисповедания, отделение религиозных объединений от государства, невмешательство государства в дела религиозной общины и т.д. С этого времени в Казахстане начинает постепенно формироваться новый фактор религиозно-политической ситуации – религиозный (исламский) экстремизм, который в наши дни принял форму терроризма»².

После распада СССР в Республике Казахстан, как и во всем центральноазиатском регионе, проявилась тенденция под названием «исламское возрождение», выраженная в резком росте количества верующих и объектов инфраструктуры ислама, а также в расширении коммуникационных способностей и возможностей религиозных организаций.

По замечанию российского эксперта Е.Я. Сатановского, Республика Казахстан территориально граничит с Узбекистаном и Туркменистаном, через которые могут проникать в страну радикальные религиозные течения из Афганистана³.

² Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 136 с.

³ Satanovsky E. Whether there will be in the Middle East a new war? [electronic resource] // Lenta.ru: [web site]. URL: lenta.ru/conf/satanovskiy/ (дата обращения: 20.09.2018).

Стоит принимать во внимание региональный фактор, хотя Казахстан не имеет общей границы с Афганистаном, его стабильность очень сильно зависит от ситуации на туркмено-афганской границе. В случае если произойдет её прорыв с участием исламистских группировок, то целью этого прорыва может стать удар по Каспийскому региону. И, разумеется, действия экстремистов в Каспийском регионе станут проблемой для прикаспийских государств. **Поэтому противодействие радикальному экстремизму в данном регионе должно осуществляться прикаспийскими странами исключительно плечом к плечу⁴.**

Процесс суверенного развития Казахстана помимо всего прочего сопровождался: разграничением религиозных организаций от государства, невмешательством государственных структур в дела конфессиональных обществ, провозглашением принципов свободного вероисповедания.

И если после распада СССР проблема экстремизма на религиозной почве беспокоила юг Казахстана, что объяснялось миграцией миссионеров различных радикальных идей из близлежащих республик центральноазиатского региона, то с 2000-х годов география распространения угрозы заметно расширилась — экстремистская деятельность проявилась в западных областях страны⁵.

Внимания заслуживает тот факт, что в законодательстве Республики Казахстан, как и в большинстве стран мира, выделяются три типа экстремизма: политический, национальный и религиозный.

При этом религиозный экстремизм представлен как деятельность, направленная на «разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм)»⁶.

⁴ Исламистское подбрюшье России // <http://rusplt.ru/society/kazakhstan-islamisty-i-ugroza-26962.html> (дата обращения: 20.09.2018).

⁵ География экстремизма в Казахстане // <https://365info.kz/2017/11/geografiya-ekstremizma-v-kazahstane/> (дата обращения: 20.09.2018).

⁶ Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противодействии экстремизму» // Казахстанская правда, 26.02.2005. № 45-46.

Мы полагаем, что для более корректного понимания сущности угрозы следует разграничивать понятия «религиозный экстремизм» и «экстремизм на религиозной почве».

Век глобализации оказывает существенное воздействие на религиозную сферу. И если внутреннее содержание религии сохранилось в своём естественном состоянии, то области человеческого сознания и осознания религиозных канонов претерпели существенные изменения.

Поэтому использование понятий «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм», даже при всей своей признанности в международном правовом пространстве, может вызвать неоднозначную реакцию в обществе (особенно в верующем).

Религиозный экстремизм – это религиозно-ориентированная (или в крайнем случае религиозно-камуфлированная) деятельность, приводящая ко всем негативным и деструктивным последствиям, уже перечисленным в работе.

Как пишет И.А. Медведев: «Религиозный экстремизм – это крайнее течение в религиозно-политическом движении, ориентированное на пересмотр принципов взаимоотношений церкви и государства, использование неконструктивных, провокационных средств выражения социального недовольства. Это не что иное, как противоправная деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений»⁷.

Экстремизм на религиозной почве – это искусственная попытка внести в религию радикальные взгляды и под этим предлогом совершать преступно-экстремистские деяния.

Изначально проявления экстремизма на религиозной почве в Казахстане были связаны с **двумя факторами**⁸:

– деятельностью членов радикальной религиозно-политической

⁷ Медведев И.А. Религиозный экстремизм как негативное явление в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11. Часть 1, 2, 3. – С. 375-378.

⁸ Чеботарёв А. Экстремизм в Казахстане: современное состояние и вопросы противодействия // <http://www.stanradar.com/news/full/20793-ekstremizm-v-kazahstane-sovremennoe-sostojanie-i-voprosy-protivodejstvija.html> (дата обращения: 25.09.2018).

организации «Хизб-ут-Тахрир», осуществляющейся преимущественно в южных регионах республики посредством пропаганды идей данного объединения, распространения литературы, листовок и т.п. (в марте 2005 года решением суда города Астаны «Хизб-ут-Тахрир» была признана экстремистской организацией с запретом ее деятельности на территории Казахстана);

– присутствием в Казахстане представителей экстремистских организаций из других стран, что во многом, видимо, было обусловлено относительно мягким визовым режимом республики и недостатками в работе миграционной полиции (данные лица либо находили здесь временное убежище, скрываясь от правосудия в своих странах, либо вели с территории республики подрывную деятельность в отношении сопредельных государств и занимались вербовкой потенциальных сторонников из числа граждан Казахстана).

С определённой долей условности следует выделить несколько периодов развития экстремизма на религиозной почве в Республике Казахстан:

– **1991-1998 гг.** – характеризуется формированием условий и соответствующей среды для развития экстремистских тенденций, возникших благодаря социально-политическим, экономическим и культурным катаклизмам постсоветского времени (период латентного зарождения угрозы);

– **1999-2010 гг.** – пересмотр проблемы и придание ей серьёзности (после февральских событий 1999 г. в Узбекистане), разработка правовых инструментариев и принятие соответствующих нормативно-правовых актов в сфере противодействия экстремизму на религиозной почве, ужесточение контроля над обучением казахстанцев в зарубежных религиозных учреждениях;

– **с 2011 г. по настоящее время** – переход экстремистов от латентной фазы к террористическим формам борьбы; нарастание террористической активности в Казахстане; принятие закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», который отличался от предыдущего и запрещал молитвы в официальных учреждениях, бесконтрольные перевозки в Казахстан книжной продукции на религиозные темы (от зарубежных священнослужителей), ужесточал требования к регистрации конфессиональных общин и кампаний.

Причины распространения экстремизма на религиозной почве также имели свои особенности в каждом периоде.

К первостепенным причинам, сформировавшимся после распада Советского Союза, следует отнести следующие:

1. Политика правящей элиты Казахстана по исламизации общества, которая реализовывалась как некая альтернатива бывшим коммунистическим ценностям и принципам.

Данный подход применялся для дифференциации казахстанцев от прежней идеологической системы и для «государства-суверена», стремящегося определить свой путь развития в условиях постсоветской реальности, является вполне объяснимым и логичным. Другое дело, что внедрение в массовое сознание значимости религии как особого социального регулятора и маркера, привело к бесконтрольному «информационному насыщению» казахстанцев, когда помимо принципов традиционных религий стали проникать и радикальные.

В итоге это привело к размежеванию и бессистемному развитию мусульманской уммы в Казахстане. Появилось внушительное число мусульманских общин разного толка («джамааты», ваххабитские организации и т.д.), преследующих свои интересы (вплоть до материально-коммерческих).

2. Некритическое отношение правящей элиты к внедрению в казахстанское общество ценностей и принципов зарубежных религиозных деятелей усугубилось: неразработанностью нормативно-правовой базы в сфере религиозных отношений и неготовностью органов государственного аппарата эффективно противодействовать экстремизму на религиозной почве.

Главным нормативно-правовым актом в религиозной сфере долгое время оставался закон 1992 г. «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», который не предусматривал ответственности за совершение действий экстремистской направленности.

3. Рост количества частных религиозных объектов (мечетей, исламских центров, медресе) и низкий уровень образованности священнослужителей привёл к разбалансировке религиозно-общественных отношений: формировались поверхностные знания о традиционных религиях, проповеди превращались в идеологически-манипулятивные мероприятия для донесения религиозно-политических

взглядов, создавались неофициальные религиозные учреждения вне досягаемости государства. Наряду с этим происходило исключение Духовного управления мусульман Казахстана из активной борьбы с экстремистами и религиозными фанатиками, поскольку представители официального духовенства ограничивались декларативными заявлениями и не видели нарастающих угроз.

Как пишет В.Н. Романова, на сегодняшний момент количество незарегистрированных мечетей превышает количество официальных исламских учреждений в Казахстане. Эксперт А.М. Кадиева подчёркивает, что к ним в первую очередь относятся дунганские и уйгурские мечети в некоторых районах Алматинской области, узбекские мечети Сайрамского района в Южно-Казахстанской области⁹.

4. Образовательная миграция казахстанцев в зарубежные религиозные институты Турции, Саудовской Аравии, Египта и Пакистана способствовала усвоению радикальных и чужеродных принципов, которые носили явный ортодоксальный характер и отличались от исламских религиозных ценностей в Казахстане. Во время обучения и даже краткосрочных стажировок казахстанцы оказывались объектами пристального внимания радикально-настроенных членов всевозможных религиозных организаций. Параллельно с этим происходило проникновение зарубежных радикальных течений на религиозной почве в регионы Казахстана.

В 90-гг. наиболее подверженными внешнему влиянию оказались южные области Казахстана, где под видом миссионерской деятельности проникали экстремисты и радикалы. Отдельно следует выделить территориально-географическую близость Республики Казахстан к центрам-регионам политического ислама (Афганистан, Пакистан).

Анализ вышеуказанных причин позволяет сформулировать тезис, что в Республике Казахстан за период 1991-1998 гг. образовалась среда для проявления экстремистской деятельности.

Как отмечает казахстанский эксперт Г.Н. Шойкин: «После того как наша страна обрела государственную независимость в 1991 году и открылась внешнему миру, наряду с бурным возрождением в обществе интереса к религии и раскрытием ее позитивного потенциала стали

⁹ Кадиева А.М. Сущность и классификация экстремизма // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 3. С. 27-30.

проявляться и негативные процессы. Достаточно либеральное законодательство Казахстана способствовало проникновению в страну и деструктивных течений, работающих по принципу финансовых пирамид, вымогающих деньги у граждан и вредящих их здоровью, подрывающих целостность нашего общества. Не так давно в Казахстан пришел религиозный экстремизм в его самых крайних формах, соответственно, экстремистские группы и течения стали непосредственно угрожать государству. В этой связи государству и обществу приходится принимать эту новую реальность и в срочном порядке отвечать на эти вызовы. И это не ситуативное реагирование, а выработка нового стратегического видения ситуации в целом и принятие превентивных мер»¹⁰.

Исследуя особенности зарождения экстремизма на религиозной почве в начале 90 гг. политолог М. Казначеев подчёркивает: «На протяжении первого десятилетия после распада СССР казахстанцы не были знакомы с исламским радикализмом. Страна не сталкивалась с терактами, а наиболее громкие акции спецслужб по задержанию религиозных экстремистов были связаны с гражданами Узбекистана, северокавказскими и уйгурскими сепаратистами. Деятельность экстремистских групп на территории Казахстана в этот период сводилась к криминальной деятельности (сбор средств на террористические акции в других странах), вербовке рядовых активистов, лечению и восстановлению сил боевиков. То есть Казахстан, по сути, выполнял роль тыловой базы»¹¹.

С 1999 года в Республике Казахстан к основным причинам распространения экстремизма на религиозной почве добавились следующие:

1. Использование интернета для пропаганды идеологии экстремизма, и как результат формирование нового радикального течения «информационный экстремизм», заметно расширили целевую аудиторию воздействия экстремистских структур.

¹⁰ Государство и религия в Казахстане: совершенствование модели отношений // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31239027#pos=3;-220 (дата обращения: 20.09.2018).

¹¹ Бумеранг радикализма в Казахстане. Традиционный ислам проигрывает на рынке идей // http://www.ng.ru/ng_religii/2018-08-14/14_448_kazakhstan.html (дата обращения: 20.09.2018).

«Официальная информация не всегда полностью отражает реалии. Похоже, ситуация выходит из-под контроля властей. Они долго убеждали мир, что Казахстан – остров межнационального и религиозного согласия в Средней Азии. Но убедили в этом лишь себя. Власти вели себя так, будто казахское общество монолитно, хотя оно состоит из большого числа групп, включая радикальные. И что в борьбе за власть эти группы могут поддерживаться представителями политических элит»¹² – резюмирует казахстанский политолог Д. Сатпаев.

2. Экстремизм на религиозной почве становится нацеленным конкретно на молодёжь и формирует радикально-протестные настроения в обществе.

Выявляя изъяны молодёжной политики и акцентирую внимание на социальных проблемах (безработица, жилищные проблемы, ослабление системы образования, неустроенность и низкий уровень заработных плат) экстремисты предлагают свои принципы «социальной справедливости», построенные на радикальных идеях религиозного толка.

3. Среда экстремистской активности обретает структурно-организационные и институциональные границы, радикальные религиозные взгляды становятся, если так можно выразиться, «визиткой», идеологической платформой экстремистских организаций.

С 2011 года экстремизм на религиозной почве в Казахстане вновь модифицируется и трансформируется в террористические методы борьбы.

Об этом свидетельствуют следующие данные¹³:

– с 2013 года благодаря скоординированной работе спецслужб на ранней стадии приготовления предотвращены и сорваны 27 насильственных экстремистских акций террористического характера (2013 год – 8, 2014 год – 3, 2015 год – 4, 2016 год – 12);

– за последние пять лет предотвращен выезд в зоны террористической активности 608 рекрутов-казахстанцев (2013 год – 168, 2014 год – 136, 2015 год – 151, 2016 год – 91, 2017 год – 62);

¹² Религиозный экстремизм и терроризм в Республике Казахстан: Ивент-анализ 2011 года // <https://articlekz.com/article/5950> (дата обращения: 23.09.2018).

¹³ Как Казахстан борется с экстремизмом // <https://camonitor.kz/31183-kak-kazakhstan-boretsya-s-ekstremizmom.html> (дата обращения: 25.09.2018).

– в 2017 году 125 казахстанцев вернулись из сирийско-иракской зоны, 57 из них были осуждены, были сорваны или блокированы намерения 91 гражданина РК к выезду за границу для участия в боевых действиях на стороне международных террористических организаций.

Следует отметить, что определенное число казахстанцев ранее участвовало в боевых действиях в Афганистане на стороне движения «Талибан» и других экстремистских структур. Однако с началом военных действий в двух арабских странах количество граждан республики, желающих повторить такой опыт, заметно увеличилось. При этом вместе с рядом мужчин на контролируемые ДАИШ территории выехали их жены и несовершеннолетние дети. По информации секретаря Совета безопасности РК Нурлана Ермакбаева, количество казахстанцев, выехавших в Сирию и Ирак, составило около 400 человек¹⁴.

По некоторым данным количество боевиков из Казахстана, воюющих в Ираке и Сирии, варьируются от 400 до 1000 человек¹⁵.

Если рассматривать статистику в целом, то она выглядит следующим образом.

По данным статистических и аналитических агентств Российской Федерации и других государств, число иностранных граждан, примкнувших к террористическим организациям и экстремистским ячейкам на территории государств Ближнего Востока, прежде всего в Сирии, достигает 20-30 тыс. человек. Если в 2014-2015 гг. основу «иностранный легиона» в Сирии составляли выходцы из ближайших государств – Туниса и Саудовской Аравии, то к 2017 г. по этому показателю первое место занимает Российская Федерация. Превышают показатели России (примкнувших к экстремистским ячейкам граждан) только общее число выходцев из стран Центральной Азии.

По данным ФСБ РФ, размещенных в открытых источниках, на конец 2017 г. в числе иностранных боевиков-участников экстремистских ячеек в Сирии более 4 тыс. россиян и около 5 тыс. граждан

¹⁴ Чеботарёв А. Экстремизм в Казахстане: современное состояние и вопросы противодействия // <http://www.stanradar.com/news/full/20793-ekstremizm-v-kazahstane-sovremennoe-sostojanie-i-voprosy-protivodejstvija.html> (дата обращения: 25.09.2018).

¹⁵ Тулепов А.Н. Возникновение религиозного экстремизма в Казахстане // Образование и наука в России и за рубежом. №6. 2018.

стран Центральной Азии (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана).

Из интервью Президента Российской Федерации Владимира Путина телеканалу «Мир 24»¹⁶: «...По разным подсчетам примерно 20 тысяч иностранных боевиков воюет в Сирии, из них почти десять тысяч из стран СНГ. Ну, где-то тысяч девять по разным подсчетам, чуть меньше половины из России. Тысяч пять примерно из стран Центральной Азии. В основном это, кстати, страны ОДКБ. Поэтому угроза очень большая, реальная».

Рис. 1

Помимо данных российских ведомств, приблизительный учет граждан государств мира, выехавших на территорию Сирии с целью участия в террористических и экстремистских организациях, ведут иностранные частные и некоммерческие исследовательские институты. К примеру, ниже приведены данные американской консалтинговой компании Soufan Group, которые обозначают Российскую Федерацию в качестве государства-лидера поставщиков рекрутов в экстремистские и террористические ячейки, действующие на территории Сирии.

Динамические данные показывают, что если в 2015 г. Россия занимала 3 место, то к 2017 г. Российская Федерация лидирует по показателю участия граждан страны в террористических организациях на территории Сирии.

¹⁶ Интервью В. Путина межгосударственной телерадиокомпании «Мир» от 11.04.2017 // <http://kremlin.ru/events/president/news/54271> (дата обращения: 10.10.2018).

Число рекрутов из стран Центральной Азии также значительно увеличилось за два года.

Данные частной аналитической компании The Soufan Group (конец 2015г.)¹⁷

Данные частной аналитической компании The Soufan Group (конец 2017 г.)¹⁸

В итоге мы видим, что количество боевиков, воюющих в рядах ИГ (запрещена в Российской Федерации) неуклонно растёт не только в Казахстане, но и в других странах Центральной Азии.

¹⁷ Доклад от декабря 2015 г. The Soufan Group «Foreign fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq», постоянно действующая ссылка – http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2015/12/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf (дата обращения: 05.10.2018).

¹⁸ Доклад от октября 2017 г. The Soufan Group «Beyond the caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees», постоянно действующая ссылка – <http://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2017/11/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017-v3.pdf> (дата обращения: 05.10.2018).

К проблемам распространения экстремизма в Казахстане на современном этапе добавились следующие:

1. Повысилась активность США (сил НАТО) и стран Ближнего Востока в Казахстане и Центральной Азии в целом. Религиозный фактор стал использоваться как конструкция для дестабилизации политических режимов и развёртывания «исламистских революций».

2. Мозаичность религий и религиозных течений в Казахстане, их поэтапная институционализация способствовали новым угрозам в обществе – вместо идеологического вакуума возник «плюралистический котёл», представленный самыми разнообразными религиозными разветвлениями. Среди которых имеются экстремистские и террористические.

Основная часть казахстанцев относится негативно к нетрадиционным религиозным течениям, что способствует проявлению напряжённости в обществе и, одновременно, информационному продвижению радикальных экстремистских идей, пытающихся на этом фоне привлечь к себе внимание.

3. Экстремизм на религиозной почве синтезировался с процессом общегражданской идентификации казахстанцев.

В контексте до конца не сформировавшейся общегражданской идентичности в Казахстане возникают риски использования норм шариата в бытовом пространстве, где правовые нормы светского государства ещё не проработаны. В итоге это приводит к поляризации общества, правовому нигилизму, торможению в развитии общегражданской идентичности.

Отметим и то, что фрагментация гражданского и религиозного развития приводит к ослаблению позиций официального духовенства в Казахстане.

4. В казахстанском обществе усиливается дилемма касаясь понимания светского государства и исламской действительности. Поэтому можно предположить, что в Казахстане проявляется идейная конкуренция между сторонниками светской формы государственности и теми, кто выступает за признание исламского фактора в политической системе.

До 2011 года единственным случаем, связанным с вооружённым столкновением между экстремистами и сотрудниками правоохра-

нительных органов, были события 28 сентября 2000 года в Алматы. Тогда силами спецподразделений МВД была физически уничтожена группа из четырех человек, оказавших сопротивление. Погибшие оказались гражданами Китая и Турции уйгурской национальности.

Позднее было установлено, что они являются членами «Организации освобождения Уйгурстана» («Уйгур азатлик ташлахты») и совершили незадолго до своей гибели убийство двух полицейских в одном из микрорайонов Алматы. Как видим, в данном случае речь шла о столкновении казахстанских сил правопорядка с иностранными экстремистами¹⁹.

Однако постепенно в Казахстане шел процесс формирования собственного экстремистского подполья. Для него было характерно, во-первых, расширение географии деятельности соответствующих групп с фактическим распространением по всей республике. Во-вторых, появление и активизация новых радикально настроенных организаций, включая «Таблиги джамаат» и групп салафитов. В-третьих, выход противоречий внутриконфессионального характера, в данном случае между представителями Духовного управления мусульман Казахстана и не признающих его течений, на уровень противостояния последних с государством. В-четвертых, увеличение уровня использования экстремистами в своей деятельности терактов и других действий насильственного характера.

В частности, по данным Комитета национальной безопасности (КНБ) Республики Казахстан, в 2008-2009 гг. было предотвращено 7 терактов и осуждено 46 человек, причастных к террористической и экстремисткой деятельности²⁰.

В целом, причин активизации экстремистских угроз в Казахстане достаточно много. К ним следует отнести идейно-духовный вакуум,

¹⁹ Чеботарёв А. Экстремизм в Казахстане: современное состояние и вопросы противодействия // <http://www.stanradar.com/news/full/20793-ekstremizm-v-kazahstane-sovremennoe-sostojanie-i-voprosy-protivodejstvija.html> (дата обращения: 25.09.2018).

²⁰ Чеботарёв А. Экстремизм в Казахстане: современное состояние и вопросы противодействия // <http://www.stanradar.com/news/full/20793-ekstremizm-v-kazahstane-sovremennoe-sostojanie-i-voprosy-protivodejstvija.html> (дата обращения: 25.09.2018).

не высокий уровень религиозного образования и социально-экономического развития у определённой части казахстанцев, коррупцию, отсутствие инновационных форм работы ДУМК, внешние факторы.

По мнению Д. Сатпаева: «Как показывает история других стран мира, при определенных кризисных ситуациях, когда при нерешенности всех этих проблем в том или ином государстве начинает формироваться новая политическая система либо новые политические элиты, радикальные структуры могут превратиться в политических игроков. Классический пример – Египет, где после того, как был смещен Хосни Мубарак, небольшой период времени у власти находились «Братья мусульмане» – структура, которая во многих странах мира считается экстремистской. В самом Египте она тоже была запрещена, но несмотря на это, как только ослабела центральная власть и начались мощные политические кризисы, моментально показала себя очень мощным игроком и не только мобилизовала значительную часть населения, но и пришла к власти. **Поэтому, когда мы ведем речь о борьбе с радикальными идеями, нужно также исходить из того, что при определенных благоприятных условиях эти радикальные организации могут претендовать и на политическую деятельность, и даже на политическую власть.** Я думаю, когда речь идет о политических перспективах Казахстана, этот момент тоже нужно учитывать»²¹.

Процесс влияния экстремизма на социально-политическую реальность в Казахстане имеет свои особенности.

Первое. Если сопоставлять с экстремизмом на религиозной почве в западноевропейских государствах (т.н. «исламистский экстремизм»), то для Казахстана (как и для России, и других центральноазиатских республик) мусульмане представляют собой местное население, живущие в мире и гармонии с представителями других мировых религий, а не сообщество иммигрантов. Это обусловлено всем ходом исторического и культурного развития.

Второе. Для Казахстана понятие «исламистский экстремизм» является не характерным и не органичным, хотя бы в силу первой причины. Поэтому оно относительно новое в центральноазиатской и российской повестке дня (принесённое «извне»).

²¹ География экстремизма в Казахстане // <http://ctc-rk.kz/география-экстремизма-в-казахстане.html> (дата обращения: 03.10.18).

Поэтому распространению экстремизма на религиозной почве и его «внешнему экспорту» в Казахстан необходимо противопоставить все имеющиеся методы и приёмы, применение которых должно носить адекватный, разумный, но много вариативный характер.

Для этого, в первую очередь, необходимо обратить внимание на образовательный компонент, повышать образовательную компетентность и навыки работы с современными технологиями представителей традиционного ислама. Недопустимо технологическое отставание местных имамов и представителей официального духовенства от радикалов, которые уже активно используют в своей деятельности социальные сети и иные интернет-возможности, вовлекая в неё молодёжь.

Для профилактики радикализма и экстремизма на религиозной почве в Казахстане следует обозначить следующие меры.

В обществе возникает реальная потребность в разработке концепции социального сотрудничества государства, как главного политического института, и традиционных конфессий, как институтов гражданского общества.

В концепции могут быть отображены по пунктам условия, в соответствии с которыми будет осуществляться совместная деятельность государства и института традиционного ислама.

Необходимо более целостно и критично подходить к анализу религиозных организаций в Казахстане, не все из которых настроены на адекватное партнёрство и пропаганду традиционного ислама.

И, наверное, самое главное уделить внимание образовательным компетенциям и социально-информационному образу представителей традиционного ислама.

Недопустимо, чтобы авторитет священнослужителей мог бы пострадать от «информационных войн», также следует обеспечить их физическую защиту.

Образовательно-просветительская деятельность представителей традиционного ислама с использованием современных технологий – это кратчайший путь к профилактике экстремизма на религиозной почве.

Самым же эффективным способом противодействия ему, на наш взгляд, служит формирование единого, стройно-безупречного (с позиций биографий исламских священнослужителей) института казах-

станского традиционного ислама, транслируемого в СМИ, имеющего свою историю, традиции, способного сосуществовать и взаимодействовать с другими традиционными конфессиями Казахстана.

Мы полагаем, что во многом эффективная борьба с экстремизмом на религиозной почве зависит от следующих факторов:

- полнота и объективность выявления и учета причин и условий, благоприятствующих экстремизму, или, напротив, сдерживающих это явление;

- степень технической и специальной оснащенности и профессиональной подготовки подразделений, осуществляющих борьбу с экстремизмом;

- уровень развития и действенности общегосударственной системы противодействия экстремистским угрозам;

- степень осознания обществом, тех опасностей, которые исходят от экстремизма, и т.д.

Безусловно, Казахстан проводит комплексную политику в области противодействия экстремизму на религиозной почве, что выражается в следующем:

- усиление контроля на таможенных и паспортно-визовых постах (границе);

- мониторинг и проверка деятельности религиозных структур;

- профилактическая работа в средствах массовой информации;

- укрепление государственных и общественных структур по борьбе с экстремизмом;

- усиление военно-профессионального потенциала стран.

Но, несмотря на все меры, которые предпринимаются Казахстаном в сфере противодействия экстремизму, их нельзя отнести к абсолютно-эффективным.

Экстремизм на религиозной почве, как проблема наднационального уровня, выходит за рамки отдельных государств и легко адаптируются к их особенностям.

Мы полагаем, что для эффективной борьбы с экстремистскими угрозами необходимо ещё больше объединять усилия государств в формате СНГ и ОДКБ.

Для этого следует в первую очередь исходить из следующих моментов.

Первое. У стран в формате СНГ имеются необходимые ресурсы и возможности для решения многих проблем. Поэтому основной акцент в работе нужно делать на повышении качества существующих организаций-структур (ОДКБ, ШОС и т.д.), а не создавать новые.

Второе. В основе коллективной безопасности должен быть заложен качественный, а не количественный показатель. Объединение в систему безопасности должно проходить на основе общности интересов и угроз, что даст реальное понимание ситуации. «Больше» не значит «лучше».

Третье. Недопустима политизация самой системы коллективной безопасности. Обязательно разграничение личных политических интересов стран и общей проблемы.

Четвёртое. Синергетический эффект от системы коллективной безопасности. Создание и приумножение реальных условий для взаимодействия и объединения усилий по противодействию экстремизму и терроризму.

Пятое. Формирование надёжной финансово-экономической базы для достижения общих задач с конкретным определением вклада каждого государства.

Шестое. Многоуровневый и долгосрочный формат работы, не ограничивающийся сиюминутными результатами.

Международное сотрудничество России, Казахстана и других стран СНГ в вопросах противодействия экстремизму и терроризму обусловлено, во-первых, общим историко-культурным развитием и близким восприятием экстремистских угроз, во-вторых, объективно существующей потребностью координации действий, имеющей первостепенное значение для наших стран, в-третьих, реальными возможностями согласования значимых проектов и мероприятий в общем деле.

Перед лицом глобального экстремизма – единственный путь к международной и национальной безопасности ведёт через консолидацию сил России, стран Центральной Азии и государств-участниц СНГ.

Поэтому для противодействия радикализму, экстремизму в Казахстане необходимо отталкиваться от следующих узловых параметров: эффективность, международное сотрудничество (прежде всего,

в формате СНГ), оперативность реагирования, привлечение к профилактической работе институтов гражданского общества.

Резюмируя анализ некоторых причин, связанных с активизацией экстремистских угроз на религиозной почве в Казахстане, следует подчеркнуть, что руководство страны в целом проводит адекватную политику в сфере противодействия экстремизму. В то же время наблюдается серьёзное усложнение ситуации, когда экстремисты начинают действовать более активно и радикально, а усиление внешних факторов выходит за рамки деятельности отдельных государств.

В такой ситуации приобретает значимость проведение политического курса, направленного на стабилизацию религиозно-политических отношений в стране и проведение совместных со странами СНГ мероприятий в сфере противодействия экстремизму.

ГЛАВА II.

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА НА РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЧВЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ: ФАКТОР ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Республика Таджикистан после распада СССР столкнулась с серьёзным испытанием, которое вылилось в гражданскую войну и предопределило развитие религиозных отношений в государстве. Борьба религиозно-настроенных сил и светского режима закончилась победой последних, но в некоторых областях Таджикистана до сих пор сохраняется влияние отдельных исламистских группировок.

К особенностям Таджикистана следует отнести партию религиозного толка «Партия исламского возрождения Таджикистана» (ПИВТ), которая долгое время была парламентской и только в 2015 году признана террористической организацией в Республике Таджикистан и включена в Перечень террористических, экстремистских и сепаратистских организаций Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества, что отличает республику от других центральноазиатских государств.

Эта политическая партия являлась уникальным прецедентом для центральноазиатского региона, когда религиозная организация, принимавшая участие в военных действиях против правительства (1992-1997 гг.), смогла трансформироваться в мирную парламентскую партию, но позже была объявлена террористической.

Как пишут Р.А. Набиев и И.Я. Шакиров: «К концу XX в. в Таджикистане возник конфликт, переросший впоследствии в гражданскую войну, в которой непосредственное участие в рамках ОТО (создана в 1993 г. в Афганистане) приняла ПИВТ. Предпосылками возникновения конфликта стали безработица, преобладание в экономике страны добычи хлопка, этнорегиональная клановость и отсутствие этнической интеграции. Исламский фактор, заигравший фундаменталистскими красками, также сыграл роль в развитии конфликта.

Конфликт разгорелся после президентских выборов, победу на которых одержал руководитель коммунистов Рахмон Набиев. Несогласные с результатами голосования представители оппозиции

(Демократическая партия Таджикистана, ПИВТ, движение «Растоз»») организовали митинги и голодовки. Позже лидеры ПИВТ перешли к вооруженной борьбе»²².

Отдельно отметим, что у представителей ПИВТ не было единства в отношении правильной модели или примера исламского государства. Подобное отсутствие единства наблюдалось и в отношении афганских попыток государственного строительства на основе шариата. Но ориентация на защиту религиозных ценностей и последующую их инсталляцию в государственную политику позволила активистам из ПИВТ и солидарных с ними граждан республики заручиться вооруженной поддержкой бывших афганских моджахедов (преимущественно таджикского происхождения) и получить финансирование со стороны ряда мусульманских стран²³.

Всё же 27 июня 1997 года было подписано Общее соглашение, которое ознаменовывало конец гражданской войны и установления мира и согласия. Данное соглашение носило компромиссный характер: таджикская оппозиция сложила оружие, но была амнистирована и получила 30% руководящих должностей в органах исполнительной власти.

По мнению С. Олимовой и М. Олимова, к причинам гражданской войны в Таджикистане следует отнести: общественный настрой против коммунистической идеологии и режима; борьба элит за перераспределение ресурсов и государственной собственности; открытая конфронтация коммунистических и исламских сил²⁴.

Есть отдельные экспертные мнения, считающие, что гражданская война в Таджикистане была не совсем внутривнутриполитической, а скорее носила черты международного конфликта, инициированного зарубежными игроками и их финансовыми возможностями.

²² Набиев Р.А., Шакиров И.Я. Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // Вестник РУДН, серия Международные отношения, сентябрь 2015, том 15, № 3. С. 83-90.

²³ Андреев А.А. Взлёт и падение партии исламского возрождения в Таджикистане // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 98-113.

²⁴ Olimova S., Olimov M. Islamic Revival Party in the inter-Tajik conflict and its settlement. Central Asia and the Caucasus. 2001. No 1 (13).

Так Н.Д. Махмадиев пишет: «Межтаджикский конфликт был не совсем таджикским, поскольку содержал черты международного конфликта. Используя таджикскую оппозицию, финансируя и снабжая ее оружием, международные силы радикального ислама пытались дестабилизировать обстановку в Таджикистане, преследуя далеко идущие цели. Так, например, рост и международное распространение экстремистских ваххабитских организаций обусловленный, в свою очередь, финансовыми вливаниями, исходящими из Саудовской Аравии и Кувейта. Для поддержания экстремизма в форме ваххабизма и его деятельности в мировом масштабе эти страны расходуют миллиардные суммы. Им отводилась важнейшая роль в организации моджахедского движения в Афганистане в 80-е годы прошлого века, затем они очень тесно контактировали с движением «Талибан», Саудовская Аравия все чаще упоминается в качестве основного игрока в организации экспорта и распространения идеологии ваххабизма, салафизма и джихадизма в Таджикистане. Очень часто исламский фактор умело используется ими в решении проблем международного характера. Анализируя историю религиозного экстремизма в центральноазиатском регионе, мы приходим к выводу, что экстремизм создан по планам экспертов ЦРУ и поддерживается этой организацией во всем мире, а также в Таджикистане»²⁵.

Очевидно, что помимо внешнего влияния в Таджикистане существовали и внутренние проблемы, которые привели к гражданской войне: низкий уровень социально-экономической обеспеченности жителей республики, маргинализация таджикского общества, безработица, бедность, клановость и т.д.

С подписанием соглашения первостепенная задача была решена и общество обрело мир, но активизация экстремистских угроз продолжилась.

Окончание гражданской войны и угроза повторения драматических событий, казалось бы, должны были повлиять на снижение уровня религиозности населения Таджикистана. Но последние тенденции свидетельствуют об обратном, что религиозность в поствоенный период находилась в стадии «спячки» и сегодня наблюдается заметный рост религиозности.

²⁵ Махмадиев Н.Д. Социальные корни религиозного экстремизма в Таджикистане: диссертация ... кандидата философских наук. - Душанбе, 2012. 167 с.

Ситуация в Таджикистане определяется также тем, что в республике до конца не преодолены некоторые последствия гражданской войны: экономическая разруха, противоречия между различными кланами, проблемы с мигрантами-таджиками, некогда бежавшими от войны на родине в Афганистан и заразившимися экстремистской идеологией²⁶.

В тоже время сохраняется и социальная база в постконфликтный период, которая способна привести к радикализации общественного сознания:

- социально-экономическое благополучие и обеспеченность жителей являются катализаторами протестных настроений;
- в некоторых областях, поддержавших коммунистов, сохраняется недоверие к религиозным организациям;
- экстремисты восприняли мирный переговорный процесс как предательство ПИВТ и отказ от истинных исламских ценностей.

В целом следует отметить снижение политического рейтинга исламской партии после гражданской войны. И причин может быть несколько: реформация партии, смена форм ведения борьбы за власть, отказ от открытой экстремистской повестки дня и т.д. Данные причины скорее свидетельствуют о снижении интереса к данной политической группе, но не позволяют однозначно говорить о дерадикализации таджикского общества.

События гражданской войны в республике позволяют усвоить несколько уроков.

Первый урок. Опыт показывает, что игнорирование исламского фактора в Таджикистане может привести к отрицанию любой идеологической конструкции, взрыву экстремизма на религиозной почве и попыткам государственного переворота.

Второй урок. Высокий уровень религиозности населения сохраняется.

Согласно официальным данным Института Гэллапа: 85 % жителей Таджикистана относят себя к верующим и считают, что религия явля-

²⁶ Егоров Е.Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: диссертация ... кандидата политических наук. – Санкт-Петербург, 2015. – 227 с.

ется существенной частью их жизни²⁷.

Третий урок – сегодня ставка экстремистов делается на молодёжь, как наиболее уязвимую группу, подверженную влиянию радикальных пропагандистов и фанатиков, составляющую 70% населения Таджикистана (большая часть которой безработная)²⁸.

Поэтому Таджикистан (среди других центральноазиатских республик) следует отнести к государствам-лидерам по уровню религиозности населения, средний возраст которого 25-30 лет, что делает угрозу распространения экстремизма на религиозной почве ещё более масштабной и серьёзной.

Практика показывает, что большая часть граждан республики, участвующих в вооруженных конфликтах за пределами страны, являются представителями молодежи (от 18 лет), которые не имеют достаточных знаний об исламе. В результате они становятся легкой мишенью для проведения идеологической обработки вербовщиками террористических и экстремистских организаций²⁹.

В Республике Таджикистан официально действуют около 4 тысяч мечетей, из которых 370 являются соборными. Из всех центральноазиатских республик в Таджикистане больше всего имамов на душу населения – 1 имам на 2210 человек (всего 3914 имамов). При том, что меньше всего религиозных образовательных учреждений. В республике функционирует только один государственный исламский институт на все население страны – 8,65 млн человек³⁰.

Государственная власть осуществляет жёсткий и строгий контроль за деятельностью духовных лидеров и религиозной организации:

– все имам-хатибы назначаются Советом улемов по согласованию с Госкомитетом по делам религии;

²⁷ The American Foreign Policy Council's World Almanac of Islamism // <http://almanac.afpc.org/Tajikistan#> (дата обращения 29.09.2018).

²⁸ Эмомали Рахмон: Средний возраст населения Таджикистана сегодня составляет 25 лет // Интернет-издание «Азия-Плюс», 23.05.2013.

²⁹ Об усилении борьбы с экстремизмом в Таджикистане // <http://www.stanradar.com/news/full/20337-ob-usilenii-borby-s-ekstremizmom-v-tadzhikistane.html> (дата обращения: 01.10.18).

³⁰ На севере Таджикистана закрыли десятки мечетей // <http://www.stanradar.com/news/full/28242-na-severe-tadzhikistana-zakryli-desjatki-mechetej.html> (дата обращения: 01.10.18).

- аттестация имам-хатибов в Таджикистане проводится в течение последних 9 лет;
- зарплату имам-хатибы получают из государственного бюджета;
- расходы на содержание и благоустройство мечетей покрываются за счет пожертвований прихожан.

Также в 2017 году Комитет по делам религии Таджикистана запретил назначать имам-хатибами людей, получивших религиозное образование за рубежом – в целях недопущения распространения чуждых таджикистанцам течений ислама. Комитет контролирует тематику проповедей настоятелей и даже выпустил специальную брошюру с текстами выступлений. Во всех мечетях Душанбе и других крупных городов Таджикистана установлены камеры видеонаблюдения³¹.

Помимо всего прочего:

- действует закон «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» 2011 года, обязывающий родителей не допускать участия детей в деятельности религиозных организаций;
- посещение детьми мечетей запрещено до достижения ими 18 лет;
- с 2005 года в Таджикистане также запрещен вход в мечети женщинам;
- Комитет по делам религии и упорядочения национальных традиций, торжеств и обрядов при правительстве Таджикистана имеет право самостоятельного рассмотрения дел об административных правонарушениях, причем с 2012 года суммы штрафов за нарушения деятельности религиозных организаций резко повышены и превышают среднемесячный доход граждан республики³².

Как отмечает Е.Н. Егоров: «После столкновений с исламистами в Раштской долине и убийства генерала спецслужб Абдулло Назарова в 2010 году правительство Таджикистана ужесточило подход к борьбе с религиозным экстремизмом. Из-за границы возвращены тысячи молодых людей, получавших там религиозное образование, которое в настоящий момент за рубежом можно получить лишь с разрешения

³¹ На севере Таджикистана закрыли десятки мечетей // <http://www.stanradar.com/news/full/28242-na-severe-tadzhikistana-zakryli-desjatki-mechetej.html> (дата обращения: 01.10.18).

³² Егоров Е.Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: диссертация ... кандидата политических наук. – Санкт-Петербург, 2015 – 227 с.

правительства. В республике активно сокращается количество религиозных учебных заведений. Религиозные организации регистрируются при условии наличия их последователей на заявленной территории на протяжении пяти лет. Имамы мечетей в Таджикистане не только назначаются государственными органами, но и получают государственную заработную плату, что усиливает их персональную ответственность. Примечательным является тот факт, что Исламским центром Таджикистана издана фетва, запрещающая критику властей республики»³³.

Очевидно, что руководство страны озадачено проблемой распространения экстремизма на религиозной почве, и она рассматривается как реальная угроза, способная нанести серьёзный урон государственности и режиму. Тому имеются весомые причины, возводящие экстремизм в ранг особенно опасных и деструктивных явлений в регионе.

1. Таджикистан в течение долгого времени рассматривался отдельными политическими силами, поддерживающими экстремизм на религиозной почве, в качестве плацдарма для радикально-подрывной деятельности. Об этом неоднократно говорилось в выступлениях руководства республики³⁴.

Следует отдельно отметить, что подпольные экстремистские организации в Таджикистане связаны с организациями и радикальными течениями Афганистана, Пакистана, Египта, Ливии и др.

По мнению И. Рахматова, начиная с 90-х годов разведывательные силы Пакистана и отдельные организации Афганистана вели активную пропаганду религиозно-радикальных идей в Таджикистане, выступали не только импортёром экстремизма, но и его катализатором³⁵.

США и их спецслужбами неоднократно предпринимались попытки установления контактов с религиозными деятелями Таджикистана для усиления своих позиций в регионе³⁶.

³³ Егоров Е.Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: диссертация ... кандидата политических наук. – Санкт-Петербург, 2015. – 227 с.

³⁴ Выступление президента Таджикистана Э. Рахмона на встрече с духовенством. Пресс-служба президента РТ // Интернетиздание «AsiaPlus», 04.07.2013.

³⁵ Рахматов И. Внешние факторы развития и радикализации ислама в регионе Центральной Азии // Интернет-издание «Ислам в СНГ», 13.11.2010.

³⁶ Громов А. Чему обучали религиозных лидеров Таджикистана в немусульманских США // Институт религии и политики, 04.01.2007.

2. Массовая трудовая и образовательная миграция таджикской молодёжи за рубеж выступает вынужденной мерой, но создаёт новые риски распространения экстремизма.

Помимо стран постсоветского пространства приоритетными для таджикской молодёжи являются арабские государства (Саудовская Аравия, Кувейт), США, Канада, Австралия и другие. Отдельная часть молодёжи выезжает в зарубежные мусульманские страны для получения религиозного образования (Египет, Иран, Пакистан, Йемен).

Оказавшись за пределами родной республики, представители молодёжи становятся объектами вербовки и экстремистской пропаганды, наибольшим рискам подвержены лица не способные заплатить за образование и вынужденные учиться в центрах с сомнительной репутацией.

Так, например, даже обучение в одном из престижнейших исламских университетов Египта «Аль-Азхар» не даёт никаких гарантий и иммунитета от влияния представителей экстремистской организации Братьев-мусульман, занимающейся вербовкой студентов в данном учебном заведении³⁷.

Поэтому с 2011 года был определён особый порядок получения религиозного образования за рубежом: «получение религиозного обучения в зарубежных странах, в том числе в зарубежных высших учебных религиозных заведениях разрешается только после получения религиозного образования в Республике Таджикистан и с письменного согласия государственных уполномоченных органов по делам религии и сферы образования»³⁸.

3. Смягчение наказания к салафитам в Таджикистане, даже как вынужденная и тактическая мера, может привести к осложнению ситуации.

В 2014 году в Уголовный кодекс Таджикистана были внесены изменения и дополнения, которые коснулись освобождения от уголовной ответственности членов экстремистских организаций, добровольно признавших свою вину и искренне раскаявшихся.

³⁷ Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 136 с.

³⁸ Закон Республики Таджикистан от 28.06.2011 г. № 739 «О свободе совести и религиозных объединениях». Ст.8, п.6.

С одной стороны, данная мера позволяет избежать наказание лицам, которые оказались сторонниками салафизма по незнанию или легкомыслию. С другой стороны, создаёт сложный прецедент в системе религиозно-общественных отношений, когда в период активизации экстремистских угроз государство ослабляет систему государственного наказания, а не ужесточает законодательство.

Эксперт С. Хамад отмечает, что практикуя такие методы борьбы с радикализацией, как прощение, необходимо учитывать ошибки ближайший соседей – Афганистана. «Практика прощения – это хорошая, если так можно сказать, инициатива. Возможно, она скажется в целом на снижении роста преступности в стране, однако не надо забывать, что обстановка в регионе, особенно в соседнем Афганистане взрывоопасна. Афганские власти в борьбе с талибами в течение многих лет использовали все эти методы, однако жизнь показала, что они не всегда дают хорошие плоды. Многие из амнистированных и освобождённых талибов вновь брали в руки оружие и продолжали бороться против власти, уничтожая мирных людей. Нам необходимо учесть эти недостатки в работе правоохранителей наших соседей»³⁹ – резюмирует С. Хамад.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что мировыми центрами салафизма являются Саудовская Аравия и Катар, которые имеют свои интересы в Таджикистане.

Так, например, политический обозреватель Н. Давлат видит в смягчении наказания к салафитам отрицательный эффект для Таджикистана, «потому что у многих из них появится вера в то, что они имеют влиятельных зарубежных покровителей, с которыми в Душанбе вынуждены считаться»⁴⁰.

Можно предположить, что смягчение наказания к салафитам способствует укреплению отношений между Таджикистаном, Саудовской Аравией и Катаром, последние из которых являются богатыми нефтяными государствами. Но в то же время оно оказывает

³⁹ Салафиты в Таджикистане: экстремисты или временные друзья // <https://ru.sputnik-tj.com/analytics/20160517/1019624861.html> (дата обращения: 03.10.2018).

⁴⁰ Салафиты в Таджикистане: экстремисты или временные друзья // <https://ru.sputnik-tj.com/analytics/20160517/1019624861.html> (дата обращения: 03.10.2018).

скорее негативное влияние на религиозно-общественную сферу, создавая опасный правовой прецедент.

Есть отдельные мнения, что подобная политика Таджикистана может рассматриваться как компенсаторная, направленная на дистанцирование от своего партнёра – шиитского Ирана. Причина в том, что официальный Тегеран не только не признал Партию исламского возрождения Таджикистана террористической, как этого хотели в Душанбе, но и принял на высшем уровне лидера этой запрещенной в 2015 году партии – Мухиддина Кабири⁴¹.

4. Попытки США оказывать давление на руководство Таджикистана в вопросах религии и демократии провоцируют активизацию экстремистских угроз в центральноазиатской республике.

Ещё в 2016 году комиссия США по свободе вероисповедания в странах мира (USCIRF) опубликовала ежегодный отчет, в котором указала что Таджикистан – это «страна, вызывающая особую озабоченность». Основанием для этого послужило якобы отсутствие в республике свободы вероисповедания и убеждений. В связи с этим комиссия призывает властей США оказывать давление на высшем уровне на правительство Таджикистана и способствовать немедленному освобождению лиц, заключённых под стражу за религиозную деятельность, либо за религиозную принадлежность. А также выступить с публичной критикой в адрес правительства Таджикистана из-за того, что им подавляется и карается любая религиозная деятельность, в частности, деятельность мусульман, протестантов и свидетелей Иеговы. Также рекомендуется призвать правительство Таджикистана разрешить визиты специальных докладчиков ООН по вопросам свободы религии или убеждений, независимости судебной системы и пыток. Более того, призывается обеспечить, чтобы посольство США в Душанбе продолжало наблюдать за судами над лицами, обвиняемыми в связи с их религиозной деятельностью или принадлежностью⁴².

⁴¹ Салафиты в Таджикистане: экстремисты или временные друзья // <https://ru.sputnik-tj.com/analytics/20160517/1019624861.html> (дата обращения: 03.10.2018).

⁴² Экстремизм в Таджикистане // https://pikabu.ru/story/yekstremizm_v_tadzhikistane_4431614 (дата обращения: 5.10.2018).

Мы полагаем, что американское давление извне не способствует гармонизации религиозно-общественных отношений в Таджикистане, а может привести к обратному результату – возникновению чувств безнаказанности за экстремистскую деятельность в таджикском обществе.

Интересным является и ещё один момент. «Отмечается, что в последнее десятилетие заметно активизировались западные религиозные секты в Таджикистане. На фоне ухудшения социально-экономического положения они активно пропагандировали свою миссионерскую программу. Так называемые новые религии пришли с Запада, хорошо финансируются и пользуются иммунитетом паспортов проповедующих их адептов. Одни христианские секты ведут открытую миссионерскую работу, другие действуют под прикрытием гуманитарных неправительственных организаций. Многие американские секты, к примеру, рекламируют себя как воплощение американского образа жизни. Они проводят просветительскую работу, оказывают материальную помощь, и таким образом пытаются привлечь в число своих сторонников молодежь Таджикистана. Своим неприятием местных обычаев и традиций христианские секты чем-то напоминают новые исламские движения. Несмотря на то, что у них совершенно другой культурный багаж, тем не менее, они пользуются определенным успехом в Таджикистане и других странах Центральной Азии. Они продвигают западный образ жизни, осуществляют культурную экспансию, что, по нашему мнению, ведет к негативным последствиям и наносит брешь в культурную и конфессиональную идентичность среди населения Таджикистана»⁴³ – пишет Н.Д. Махмадиев.

5. Опасность ИГИЛ (запрещена в РФ) для Республики Таджикистан определяется тем, что в число боевиков, воюющих на стороне террористов, входит (согласно официальным данным) более 1 тыс. жителей республики⁴⁴. При этом идеологи террористической

⁴³ Махмадиев Н.Д. Социальные корни религиозного экстремизма в Таджикистане: диссертация ... кандидата философских наук. – Душанбе, 2012. 167 с.

⁴⁴ Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях / под. ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева. – М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. – 50 с.

организации вербуют не только трудовых мигрантов из Таджикистана, но и радикально настроенных жителей внутри государства.

Как отмечают известные российские эксперты: «Ярким примером является онлайн-вербовка Гулмурода Халимова, бывшего командира ОМОН МВД РТ. Халимов пропал 23 апреля 2015 г. Через социальные сети он распространил 27 мая видеообращение, в котором подтвердил своё присоединение к ИГИЛ. В дальнейшем, как известно, Халимов возглавил военное крыло ИГИЛ, заменив другого выходца с постсоветской территории, гражданина Грузии, чеченца-кистинца Тархана Батирашвили. В последние годы эмиссары ИГИЛ активизировали свою нелегальную деятельность внутри Республики Таджикистан. Правоохранительными органами и специальными службами страны ведётся их активный поиск и задержание, для чего ими налажены тесные контакты с аналогичными ведомствами Российской Федерации, Афганистана, Пакистана, Турции и других стран, с которыми подписаны двусторонние соглашения об экстрадиции. На основе этих соглашений задержанные на территориях указанных стран граждане Таджикистана, подозреваемые в причастности к ИГИЛ, своевременно передаются таджикским властям»⁴⁵.

Мониторинг информационного контента в Республике Таджикистан позволяет прийти к неутешительным выводам:

- свыше 80 % активных пользователей интернета из Таджикистана получают контент экстремистского характера в социальных медиа;
- по официальным данным на 2017 год 1094 жителей Таджикистана входят в ячейки террористической организации ИГИЛ (большая их часть придерживается «салафизма»);
- территориально жители республики (по официальным данным), попавшие в вербовочные сети террористов, проживают в Хатлонской, Согдийской, Горно-Бадахшанской автономной областях, в районах и городах республиканского подчинения, в городе Душанбе;
- большая часть завербованных жителей Таджикистана являются трудовыми мигрантами, выезжавшими на заработки в другие страны.

⁴⁵ Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях / под ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева. – М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. – 50 с.

Специалист Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан М. Муллоев составил дорожную карту регионов, наиболее подверженных экстремистской активности:

- близкими к таджикской столице потенциально опасными названы районы Рудаки, Вахдат и Нурабад, последний в годы гражданской войны в Таджикистане (1992–1997) считался чуть ли не столицей таджикской исламской оппозиции;

- на севере Таджикистана, в Согдийской области, такими районами признаны города Худжанд, Исфара, Канибадам, Истаравшан, Пенджикент, а также районы Спитамен, Джаббор Расулов, Ашт, Бободжон Гафуров и Мастчох;

- на юге Таджикистана, в Хатлонской области, таковыми регионами объявлены города Куляб и районы Шахритус, Кабадиян, Бохтар, Джаллолиддин Балхи, Фархор и Восеъ;

- на Памире самым радикально-настроенным районом признан Ванджский район, особенно селения, расположенные в местечке Язгулом⁴⁶.

Резюмируя анализ некоторых причин, связанных с активизацией экстремистских угроз на религиозной почве в Таджикистане, следует подчеркнуть, что относительная стабилизация внутривнутриполитической ситуации в республике, однозначно, оказывает позитивное влияние на религиозные отношения в обществе. Вместе с тем угроза распространения идеологии экстремизма на религиозной почве не спадает, а набирает заметные обороты, что связано с внешними причинами и низким уровнем социально-экономической обеспеченности жителей Таджикистана.

⁴⁶ В Таджикистане определили экстремистски настроенные регионы // <http://ru.orien.info/polotica/749-v-tadzhikistane-opredelili-ekstremistski-nastroennye-regiony.html> (дата обращения: 7.10.2018).

ГЛАВА III.

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА НА РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЧВЕ В ТУРКМЕНИСТАНЕ: ФАКТОР ЗАКРЫТОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Туркменистан в общественно-политическом плане представляет собой страну с относительно стабильной социально-политической обстановкой, что обеспечивается закрытостью государства, прагматичностью внешней политики и минимизацией зарубежного давления на внутривнутриполитические процессы⁴⁷.

Поэтому некоторое время было принято считать, что Туркмения смогла обезопасить себя от угроз проявления экстремизма на религиозной почве. Однако более детальный анализ общественно-религиозной ситуации в стране указывает на целый ряд факторов, которые способны привести к активизации идеологии экстремизма и радикализма.

В 1991 году в Туркменистане был принят закон «О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане», который гарантировал плюрализм вероисповеданий и проведение всевозможных религиозных обрядов по желанию жителей республики.

Политика в религиозной сфере изначально носила двойственный характер. С одной стороны, государство поддерживало распространение религиозных идей и ценностей в общественном укладе. С другой, формировался фактор «подконтрольной» исламизации общества.

В управленческой практике признавалось, что ислам служит опорой политической стабильности и власти, но, в то же время, запрещалась любая деятельность политико-религиозных структур и партий. Так, например, в 1991 году попытка активистами создать ячейку политической партии исламского возрождения не увенчалась успехом и государство пресекло эту инициативу.

По мнению известных российских учёных и экспертов из МГИМО МИД России: «После обретения Туркменистаном независимости

⁴⁷ Габдуллин Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ. Т.14, В.1. 2011. С. 26–41.

первый президент страны Сапармурат Ниязов взял за образец турецкий «кемалистский» вариант государственного устройства, сохраняющий светский характер власти. При этом Ниязов совершил хадж и всячески содействовал строительству новых мечетей. Принятая в 2008 г. – уже при втором президенте Гурбангулы Бердымухамедове – новая редакция конституции страны подтвердила формальный принцип отделения религиозных организаций от государства и гарантировала при этом равенство всех исповеданий (ст. 12). Естественно, при этом доминирующая роль ислама (в его официальной трактовки) в жизни страны только расширяется. Ислам определяется в первую очередь как важная составляющая национальной и культурной идентичности»⁴⁸.

Контроль за конфессиональной сферой усилился в 1996 году с созданием Совета по делам религий при Президенте Туркменистана. Отдельно отметим, что Верховный муфтий Туркменистана одновременно является заместителем главы Совета по делам религий при Президенте Туркменистана.

Стоит подчеркнуть, что официальных данных о совершённых террористами актах в Туркмении нет, и это можно объяснить закрытостью государства от внешнего внимания. В то же время ставка на государственный жёсткий контроль, хотя является и эффективной, но не может служить единственным механизмом в борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Не говоря уже о том, что «контрольная политика», как правило, приводит к успешному обеспечению безопасности в мирное время и при любых турбулентностях может привести к общему сбою всей системы.

Особое значение в религиозной сфере играют отношения между Туркменистаном и Афганистаном, которые определяются следующими трендами:

– на территории Афганистана проживает около 1 млн туркмен⁴⁹;

⁴⁸ Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях / под. ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева. – М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. – 50 с.

⁴⁹ Туркмены в Афганистане // https://ru.wikipedia.org/wiki/Туркмены_в_Афганистане (дата обращения: 01.10.18).

– с 1994 года усиливается влияние талибов на Туркмению⁵⁰.

В газете «Известия» говорится о том, что экстремисты из Афганистана рассматривали территорию Туркменистана для транспортировки наркотиков, боеприпасов и боевиков. Также на приграничных территориях активно действовали афганские эмиссары для вербовки местных жителей в ряды экстремистов и переправляли их в страны СНГ⁵¹. Ещё более категорично пишет С. Голиков: «Объективно говоря, Туркменистан – это самое слабое звено на пути вероятной экспансии ИГИЛ из Афганистана на север. Пожалуй, не будет даже преувеличением сказать, что на сегодняшний день – это фактически брешь в системе коллективной безопасности на центрально-азиатском направлении»⁵².

Мы полагаем, что афганский территориально-приграничный фактор оказывает влияние на распространение идеологии экстремизма в Туркмении. Поэтому полагаться только на собственные силы в вопросе обеспечения безопасности сегодня становится крайне сложно.

Эксперт А. Реджепов отмечает: «В случае дальнейшей эскалации внутриафганского конфликта и продвижения, например боевиков ИГИЛ через северные провинции Афганистана в сторону центрально-азиатских республик, у Туркменистана меньше всего шансов отстоять свою территорию»⁵³.

Вызывает беспокойство сращивание в Туркменистане экстремистских группировок и наркобизнеса, контролирующих каналы поставки наркотиков из Афганистана в страны СНГ. Несмотря на комплекс мер по противодействию наркоторговле, Афганистан остаётся одним из самых сложных регионов в этом вопросе.

⁵⁰ Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 136 с.

⁵¹ Известия, 29.12.1994; 18.09.1999.

⁵² Голиков С. Вам, конечно, плевать на Туркменистан. Но он может скоро напомнить вам о себе // <https://www.nalini.ru/vam-konechno-plevat-na-turkmenistan-no-on-mozhet-skoro-napomnit-vam-o-sebe-6630> (дата обращения: 01.10.18).

⁵³ Реджепов А. О борьбе Туркменистана с религиозным радикализмом и терроризмом // <http://www.islamsng.com/tkm/analytics/11488> (дата обращения: 02.10.18).

К причинам, усиливающим экстремистские тенденции в Туркмении, следует отнести кланово-межплеменные противоречия, которые не теряют своей значимости в общественно-политических и экономических отношениях.

Привилегированное положение сохраняется за выходцами из Ахалского велаята, что способствует «аристократизации» общества и социальной несправедливости. В таких условиях обращение к религиозным канонам выглядит востребованным и вынужденным в глазах жителей республики и отдельных велаятов.

К примеру, заметной экстремистской структурой в Туркменистане остаётся течение «Салафия», повышенная активность которого наиболее заметна в Балканском велаяте⁵⁴.

По мнению эксперта Ш. Кадырова: «Дети родителей, проживающих в столице и входящих в высший эшелон управленцев, направляются на учебу в высокоразвитые капиталистические страны. Дети из провинции либо вообще не учатся, либо посылаются в страны мусульманского Востока, где образование дешевле»⁵⁵.

Кланово-межплеменная вражда, имеющая исторические корни, сегодня трансформировалась в кланово-элитарное противостояние и борьбу за экономические ресурсы и политические должности.

Поэтому можно предположить, что кланово-элитарный фактор со временем будет только усиливать религиозную ориентацию отдельных регионов Туркменистана и произойдёт формирование зон «проталибанского», «протурецкого», «проиранского» влияния, что недопустимо для суверенной центральноазиатской республики.

При всей закрытости политической системы Туркменистан хоть и минимизировал внешнее давление на республику, но не смог его избежать.

Так, например, разработанный США акт о международной религиозной свободе вынудил прежнего Президента Туркменистана С. Ниязова внести корректировки в нормативно-правовые документы

⁵⁴ Туркменистан становится очагом экстремизма // http://ca-snj.blogspot.com/2015/03/blog-post_66.html (дата обращения: 03.10.2018).

⁵⁵ Кадыров Ш. Этнические истоки, эволюция и перспективы туркменской государственности // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. 2004, №1 (139). С. 74.

и ослабить контроль за деятельностью незарегистрированных религиозных объединений в государстве – была отменена уголовная ответственность в отношении незарегистрированных конфессиональных организаций, осуществляющих свою деятельность. Заинтересованность третьих сил в туркменских ресурсах до сих вызывает обеспокоенность и тревожность.

Позже, стремясь поставить заслон распространению экстремистской идеологии, туркменские власти внесли изменения в закон Туркменистана «О свободе вероисповедания и религиозных организациях», определяя полномочия государственных органов по контролю над получением и использованием иностранной помощи религиозными организациями и их членами. Согласно нововведениям, последние обязаны регистрировать в Минюсте проекты и программы безвозмездной иностранной финансовой гуманитарной помощи и гранты, а также представлять отчеты об их реализации. Контроль над источниками финансирования религиозных организаций поручен уполномоченному государственному органу по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем. Ранее эта функция возлагалась на туркменские налоговые органы⁵⁶.

Немаловажное значение в активизации экстремистских угроз в Туркменистане имеет культ личности, сформированный прежним политическим руководством страны. И хотя при действующем Президенте Туркменистана Г. Бердымухамедове наступила «политическая оттепель», она не смогла кардинально исправить ситуации, но заметно улучшила «политический климат» в стране – расширение прав и свобод граждан республики, разрешённый доступ к сети интернет, более ответственная социальная политика.

Имеет свои особенности и трудовая миграция из Туркменистана. В отличие от других центральноазиатских регионов значимость России для трудовых мигрантов из Туркмении значительно меньше. Приоритет отдаётся: по лингвистическому принципу (близость туркменского и турецкого тюркоязычных государств) Турции, по территориальному принципу – Ирану и странам Персидского залива. Поэтому Туркмения вызывает особый интерес у этих государств.

⁵⁶ Туркменистан: под колпаком религиозного экстремизма // <https://yvision.kz/post/726689> (дата обращения: 05.10.2018).

«Альтернативные новости Туркменистана» пишут: «В ашхабадском аэропорту начали допрашивать и тщательно проверять всех женщин, которые возвращаются в Туркменистан из Турции. Данная мера коснулась студенток, женщин, которые состоят в браке с гражданами Турции и имеют вид на жительство в этой стране, а также тех, кто носит хиджаб (мусульманский платок). Пристальное внимание к себе ощущают и пассажиры, находившиеся в Турции по рабочей визе»⁵⁷.

Проблема экстремизма на религиозной почве в Туркменистане заметно обострилась с 2014 года, что связано, в первую очередь, с появлением на туркменско-афганской границе боевиков ИГ (запрещена в Российской Федерации) и усилением пропаганды салафитских идей внутри страны.

Как пишет российский эксперт А. Казанцев: «Ситуация на туркменско-афганской границе довольно сильно обострилась в конце апреля 2015 г. Среди проживающих в афганском приграничье туркмен много потомков басмачей, боровшихся против Советской власти. Среди туркменских племен в этих районах Афганистана традиционно была сильна поддержка движения талибов, однако в последние год-два существенная часть этих туркмен неожиданно перешла на сторону ИГ (чему, по некоторым экспертным данным, способствовали активные иностранные финансовые вливания, возможно, из Катара, направленные на препятствование строительству газопровода ТАПИ)»⁵⁸.

Другой российский эксперт Н. Мендкович отмечает: «На первый взгляд, республика Туркмения обладает многочисленными силовыми структурами, которые имеют возможность защитить страну и режим от любых посягательств. По официальным данным, численность армии, включая пограничную охрану, составляет 36,5 тысяч человек, полиции – около 21 тысяч, министерство нацбезопасности – более

⁵⁷ В аэропорту Ашхабада ужесточили проверку вернувшихся из Турции женщин // <http://antiterrortoday.com/geografiya-terrorizma/proyavleniya-terrorizma-i-ekstremizma-po-stranam/s-n-g/tsentralnaya-aziya/turkmenistan/15482-v-aeroportu-ashkhabada-uzhestochili-proverku-vernuvshikhsya-iz-turtsii-zhenshchin> (дата обращения: 08.10.2018).

⁵⁸ Казанцев А. Постсоветский Туркменистан: малоизвестное настоящее и неопределённое будущее // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsovetskiy-turkmenistan-maloizvestnoe-nastoyashchee-i-neo/> (дата обращения: 09.10.2018).

5 тысяч. В распоряжении силовых структур есть авиация и тяжелая техника, регулярно проводятся военные учения... Но это внешняя сторона, за которой скрывается весьма неблагоприятная ситуация»⁵⁹.

Мы полагаем, что в случае дальнейшего переноса афганского конфликта на территорию Туркменистана и продвижения боевиков ИГ (запрещена в Российской Федерации) через северные провинции Афганистана в центральноазиатский регион, проблема приобретает всеобъемлющий масштаб и возникает угроза не только для Туркмении, но и для других стран СНГ. Поэтому может возникнуть потребность в оказании военной помощи со стороны братских постсоветских государств и их союзов.

При этом стоит понимать, что Туркменистан реализует многовекторную внешнюю политику и придерживается принципов нейтралитета. Но без оказания помощи со стороны стран СНГ и членов ОДКБ бороться с экстремизмом на религиозной почве становится сложнее.

США и их партнёры предпринимают попытки оказывать помощь Туркменистану в рамках стратегического партнёрства «С5+1», но при этом имеют собственные интересы в регионе.

Сложность сотрудничества центральноазиатских республик с США, на наш взгляд, обусловлено следующими факторами:

- у США остаётся всё меньше конструктивных ресурсов для закрепления своей роли в борьбе с международным экстремизмом и терроризмом;

- сотрудничество с Вашингтоном наносит серьёзный урон политической и экономической стабильности государств, поскольку США, хотя бы в силу первой причины, в итоге предлагают две модели сотрудничества «ручное внешнее управление» или «майдан»;

- США стоят за серией исламистских и иных революций в мире, свергают неудобные политические режимы;

- основной инструмент борьбы с терроризмом и экстремизмом, используемый США, это сила, исключаящая любую ответственность за военные действия в сторонних странах;

⁵⁹ Мендкович Н. Туркмения под ударом. Произойдёт ли в стране экстремистская революция? // <https://regnum.ru/news/polit/2434765.html> (дата обращения: 09.10.2018).

– национальные интересы США являются единственно-значимыми в мире.

Очевидно, что сотрудничество с таким партнёром, как США, создаёт новые риски для Туркменистана. Поэтому, мы считаем, что сотрудничество Туркмении с Россией и странами СНГ в вопросах борьбы с глобальными вызовами, могут рассматриваться стратегически важными для всех сторон взаимодействия. Не говоря уже о историко-культурной близости наших братских государств.

Сегодня в основе общей консолидации России, Туркмении и других стран Центральной Азии и СНГ для обеспечения международной безопасности должны быть заложены новые принципы сотрудничества.

Формула «полицентричности», а не «многополярности». В самом начале после распада СССР (в условиях агрессивного подхода США к странам бывшего Социалистического блока) возникла реальная угроза установления американоцентричного «однополярного мира». Но ситуация сегодня иная, многие задачи на международном уровне решались. На постсоветском пространстве между странами установлены теплые, братские отношения. Поэтому и риторика должна несколько сместиться.

Для борьбы с международным экстремизмом и терроризмом постсоветские государства должны строить полицентричный мир.

В чём же разница этих понятий?

Многополярность подразумевает наличие как минимум двух центров глобального управления, которые находятся по отношению к друг другу в «contra», т.е. имеют «полярные» (противоположные, несовместимые) взгляды.

Полицентричность свидетельствует о другом – о наличии множества центров глобального управления, которые не обязательно должны бороться между собой. Чем больше центров – тем лучше.

Формула «мирного сосуществования» также досталась в наследство от прежней идеологической борьбы двух систем. Этот принцип был необходим для разрядки международной напряжённости и, безусловно, был прогрессивным для своего времени. Но он носит компенсаторный характер и подразумевает расчленённость современно-

го мира и временность мирного сосуществования. **Поэтому скорее нужно говорить «о безопасном мире».**

Формула «прагматизма», часто используемая экспертами для описания курса внешней политики государств. На сегодняшний момент уже удалось преодолеть последствия распада СССР, укрепить дружественные и тёплые отношения между государствами, дистанцироваться от прежней социалистической идеологии, поменять «точку отсчета» в региональных балансах и др. В то же время пассивная формула «прагматизма» имеет «транзитный» характер, нужна на переломное время, но не может оставаться политической парадигмой современных государств. **Не прагматизм, а взаимовыгодность и равноправный диалог.**

На эти принципах, на наш взгляд, должна строиться общая работа России, центральноазиатских республик, стран СНГ в борьбе с экстремизмом и терроризмом, имеющим глобальное значение для всего мира.

В основе сотрудничества постсоветских государств, даже независимо от внешнеполитических взглядов, должен быть заложен **принцип традиционализма (а не либерального эгоизма)**, обусловленный уважительным отношением к ближнему, что способствует пониманию и отсутствию неразрешимых проблем между ними, в том числе в отношении эффективной борьбы с радикалами, экстремистами и террористами.

К проблемам, влияющим на рост экстремистских проявлений в Туркменистане, следует отнести и то, что усугубляются экономические проблемы республики.

«Поскольку строительство китайских газопроводов через территорию Туркменистана оформлено как займ, а не инвестиция, Туркмения в настоящее время столкнулась с долговым кризисом. Это приводит к появлению социальных проблем. В дополнение к этому наблюдается обострение межплеменных отношений, связанное с тем, что президент Г. Бердымухамедов, в отличие от покойного Ниязова-Туркменбаши, оказывает ахальским племенам предпочтение во всем. В результате в провинции растет возмущение среди представителей других племен, не только традиционно враждебных текинцам, как йомуды, но и всех других (со стороны даже родственных ахальским марыйских

теке, бизнес которых в последнее время подвергается серьезным ограничениям)»⁶⁰ – пишет А. Казанцев.

Эксперт Н. Мендкович акцентирует внимание на социальных и продовольственных проблемах в Туркменистане, как неких катализаторах и причинах нестабильности в государстве, в конечном счёте влияющих на распространение экстремистских угроз: «Социальная ситуация в Туркмении в последние годы ухудшается. Проблема массового дефицита продуктов - несомненна, хотя официальные СМИ постоянно оперируют лозунгами «продовольственного изобилия». В конце 2017-го в туркменской альтернативной прессе появляются сообщения о начале массовых сокращений в социальной сфере и на некоторых промышленных предприятиях, включая, например, «Гамышлыджанебит» и «Гумдагнебит». Одновременно официально объявлено об отмене ряда льгот. Основная причина – острый дефицит валюты в стране на фоне падения мировых цен на газ. В 2015 – 2017 гг. накопившийся дефицит внешней торговли достиг 10 млрд долл. (25–30% ВВП). Этим объясняются проблемы импорта продовольствия и некоторых других товаров. У государства уже возникли проблемы с выполнением обязательств по контрактам с некоторыми иностранными компаниями, например, «Белгорхимпромом» (Беларусь), Polimeks и Sakiroglu Grup (Турция) (последние две компании строили первый в стране автобан, но из-за долгов прекратили работы, прим. авт.). Другие иностранные инвесторы сообщают о сворачивании бизнеса в стране из-за низкого платежеспособного спроса на товары и услуги. О дефолте пока речи нет, но у Ашхабада возникают проблемы с реализацией крупных проектов, с которыми связывалась надежда на исправление экономической конъюнктуры. В частности, есть признаки нехватки оборотных средств при строительстве трубопровода ТАПИ. В связи с этим туркменский МИД в мае-июне 2018-го провел серию экстренных переговоров о срочном привлечении в проект новых инвесторов, но успеха эти инициативы не имели. Руководство Туркмении сознает проблемы и пытается их решить. Есть попытки нарастить

⁶⁰ Казанцев А. Постсоветский Туркменистан: малоизвестное настоящее и неопределённое будущее // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsovetskiy-turkmenistan-maloizvestnoe-nastoyashchee-i-neo/> (дата обращения: 09.10.2018).

экспорт (небольшой рост после спада в 2017-м), увеличить производство зерна внутри страны, создать рабочие места, открывая новые производства. Однако за последние 3 года каких-то однозначных успехов добиться не удалось. Туркменское общество очень долго считалось политически индифферентным и не склонным к протестной активности. Даже редкие контакты с иностранными журналистами были скорее способом подать через зарубежный эфир сигнал «наверх» о конкретных беспорядках на местах в условиях непрозрачности работы государственного аппарата. Однако усугубляющиеся в течение 3 лет социально-экономические трудности могут раскачать ситуацию, – констатирует эксперт. Все это сочетается с ухудшающейся ситуацией в сфере безопасности и борьбы с религиозным экстремизмом»⁶¹.

Резюмируя анализ некоторых причин, связанных с активизацией экстремистских угроз на религиозной почве в Туркменистане, следует подчеркнуть, что сегодня происходит трансформация афганского конфликта и его перенос в Республику Туркменистан. Усиление экстремистского подполья в государстве и ряд внешних факторов могут привести к дестабилизации положения в стране. При этом Туркменистану справиться с экстремистскими угрозами самостоятельно становится крайне сложно.

⁶¹ Мендкович Н. Туркменистан – наиболее вероятная цель для атаки экстремистов в ЦА // <http://inozpress.kg/news/view/id/53044> (дата обращения: 09.10.2018).

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

В аналитическом докладе «Профилактика экстремизма в России и странах Центральной Азии: часть II» мы пришли к следующим выводам.

1. Проблема экстремизма на религиозной почве представляет собой серьёзную опасность для Республики Казахстан. В советское время отсутствовала ресурсная база экстремизма, способная привести к проблеме (атеизм; слабая распространённость исламских течений в республике (исключение составляет юг Казахстана); «железный занавес» и изоляция от внешних угроз; тенгрианство и т.д.), поэтому угроза приобрела реальное выражение и ощутимые масштабы в Казахстане только после обретения независимости. И если после распада СССР проблема экстремизма на религиозной почве беспокоила юг Казахстана, что объяснялось миграцией миссионеров различных радикальных идей из близлежащих республик центральноазиатского региона, то с 2000-х годов география распространения угрозы заметно расширилась – экстремистская деятельность проявилась в западных областях страны.

2. Использование понятий «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм», даже при всей своей признанности в международном правовом пространстве, может вызвать неоднозначную реакцию в обществе (особенно в верующем). Мы полагаем, что для более корректного понимания сущности угрозы следует разграничивать понятия «религиозный экстремизм» и «экстремизм на религиозной почве». Религиозный экстремизм – это религиозно-ориентированная (или в крайнем случае религиозно-камуфлированная) деятельность, приводящая ко всем негативным и деструктивным последствиям, уже перечисленным в работе. Экстремизм на религиозной почве – это искусственная попытка внести в религию радикальные взгляды и под этим предлогом совершать преступно-экстремистские деяния.

3. Изначально проявления экстремизма на религиозной почве в Казахстане были связаны с двумя факторами⁶²: деятельностью

⁶² Чеботарёв А. Экстремизм в Казахстане: современное состояние и вопросы противодействия // <http://www.stanradar.com/news/full/20793-ekstremizm-v-kazahstane-sovremennoe-sostojanie-i-voprosy-protivodejstvija.html> (дата обращения: 25.09.2018).

членов радикальной религиозно-политической организации «Хизб-ут-Тахрир», осуществляющейся преимущественно в южных регионах республики посредством пропаганды идей данного объединения, распространения литературы, листовок и т.п. (в марте 2005 года решением суда города Астаны «Хизб-ут-Тахрир» была признана экстремистской организацией с запретом ее деятельности на территории Казахстана); присутствием в Казахстане представителей экстремистских организаций из других стран, что во многом, видимо, было обусловлено относительно мягким визовым режимом республики и недостатками в работе миграционной полиции.

4. С определённой долей условности следует выделить несколько периодов развития экстремизма на религиозной почве в Республике Казахстан: 1991-1998 гг. – характеризуется формированием условий и соответствующей среды для развития экстремистских тенденций, возникших благодаря социально-политическим, экономическим и культурным катаклизмам постсоветского времени (период латентного зарождения угрозы); 1999-2010 гг. – пересмотр проблемы и придание ей серьёзности (после февральских событий 1999 г. в Узбекистане), разработка правовых инструментариев и принятие соответствующих нормативно-правовых актов в сфере противодействия экстремизму на религиозной почве, ужесточение контроля за обучением казахстанцев в зарубежных религиозных учреждениях; с 2011 г.-по настоящее время – переход экстремистов от латентной фазы к террористическим формам борьбы; нарастание террористической активности в Казахстане; принятие закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», который отличался от предыдущего и запрещал молитвы в официальных учреждениях, бесконтрольные перевозки в Казахстан книжной продукции на религиозные темы (от зарубежных священнослужителей), ужесточал требования к регистрации конфессиональных общин и кампаний. Причины распространения экстремизма на религиозной почве также имели свои особенности в каждом периоде.

5. К первостепенным причинам, сформировавшимся после распада Советского Союза, следует отнести следующие: политика правящей элиты Казахстана по исламизации общества, которая реализовывалась как некая альтернатива бывшим коммунистическим ценностям и принципам; некритическое отношение правящей элиты к внедрению

в казахстанское общество ценностей и принципов зарубежных религиозных деятелей усугубилось неразработанностью нормативно-правовой базы в сфере религиозных отношений и неготовностью органов государственного аппарата эффективно противодействовать экстремизму на религиозной почве; рост количества частных религиозных объектов (мечетей, исламских центров, медресе) и низкий уровень образованности священнослужителей привёл к разбалансировке религиозно-общественных отношений; образовательная миграция казахстанцев в зарубежные религиозные институты Турции, Саудовской Аравии, Египта и Пакистана способствовала усвоению радикальных и чужеродных принципов, которые носили явный ортодоксальный характер и отличались от исламских религиозных ценностей в Казахстане. Анализ вышеуказанных причин позволяет сформулировать тезис, что в Республике Казахстан за период 1991-1998 гг. образовалась среда для проявления экстремистской деятельности. С 1999 года в Республике Казахстан к основным причинам распространения экстремизма на религиозной почве добавились следующие: использование интернета для пропаганды идеологии экстремизма, и как результат формирование нового радикального течения «информационный экстремизм», заметно расширили целевую аудиторию воздействия экстремистских структур; экстремизм на религиозной почве становится нацеленным конкретно на молодёжь и формирует радикально-протестные настроения в обществе; среда экстремистской активности обретает структурно-организационные и институциональные границы. С 2011 года экстремизм на религиозной почве в Казахстане вновь модифицируется и трансформируется в террористические методы борьбы.

6. К проблемам распространения экстремизма на современном этапе добавились следующие: А) Повысилась активность США (сил НАТО) и стран Ближнего Востока в Казахстане и Центральной Азии в целом. Религиозный фактор стал использоваться как конструкция для дестабилизации политических режимов и развёртывания «исламистских революций». Б) Мозаичность религий и религиозных течений в Казахстане, их поэтапная институционализация способствовали новым угрозам в обществе – вместо идеологического вакуума возник «плюралистический котёл», представленный самыми разнообразными

религиозными разветвлениями. В) Экстремизм на религиозной почве синтезировался с процессом общегражданской идентификации казахстанцев. В контексте до конца не сформировавшейся общегражданской идентичности в Казахстане возникают риски использования норм шариата в бытовом пространстве, где правовые нормы светского государства ещё не проработаны. Что в итоге приводит к поляризации общества, правовому нигилизму, торможению в развитии общегражданской идентичности. Отметим и то, что фрагментация гражданского и религиозного развития приводит к ослаблению позиций официального духовенства в Казахстане. Г) В казахстанском обществе усиливается дилемма касаясь понимания светского государства и исламской действительности. Поэтому можно предположить, что в Казахстане проявляется идейная конкуренция между сторонниками светской формы государственности и теми, кто выступает за признание исламского фактора в политической системе.

7. Мы полагаем, что для эффективной борьбы с экстремистскими угрозами необходимо ещё больше объединять усилия государств в формате СНГ и ОДКБ. Для этого следует в первую очередь исходить из следующих моментов. Первое. У стран в формате СНГ имеются необходимые ресурсы и возможности для решения многих проблем. Поэтому основной акцент в работе нужно делать на повышении качества существующих организаций-структур (ОДКБ, ШОС и т.д.), а не создавать новые. Второе. В основе коллективной безопасности должен быть заложен качественный, а не количественный показатель. Объединение в систему безопасности должно проходить на основе общности интересов и угроз, что даст реальное понимание ситуации. «Больше» не значит «лучше». Третье. Не допустима политизация самой системы коллективной безопасности. Обязательное разграничение личных политических интересов стран и общей проблемы. Четвёртое. Синергетический эффект от системы коллективной безопасности. Создание и приумножение реальных условий для взаимодействия и объединения усилий в противодействии экстремизму и терроризму. Пятое. Формирование надёжной финансово-экономической базы для достижения общих задач с конкретным определением вклада каждого государства. Шестое. Многоуровневый и долгосрочный формат работы, не ограничивающийся сиюминутными результатами. Международное сотруд-

ничество России, Казахстана и других стран СНГ в вопросах противодействия экстремизму и терроризму обусловлено, во-первых, общим историко-культурным развитием и близким восприятием экстремистских угроз, во-вторых, объективно существующей потребностью координации действий, имеющей первостепенное значение для наших стран, в-третьих, реальными возможностями согласования значимых проектов и мероприятий в общем деле.

8. Резюмируя анализ некоторых причин, связанных с активизацией экстремистских угроз на религиозной почве в Казахстане, следует подчеркнуть, что руководство страны в целом проводит адекватную политику в сфере противодействия экстремизму. В то же время наблюдается серьёзное усложнение ситуации, когда экстремисты начинают действовать более активно и радикально, а усиление внешних факторов выходит за рамки деятельности отдельных государств. В такой ситуации приобретает значимость проведение политического курса, направленного на стабилизацию религиозно-политических отношений в стране и проведение совместных мероприятий со странами СНГ в сфере противодействия экстремизму.

9. Республика Таджикистан после распада СССР столкнулась с серьёзным испытанием, которое вылилось в гражданскую войну и предопределило развитие религиозных отношений в государстве. Борьба религиозно-настроенных сил и светского режима закончилась победой последних, но в некоторых областях Таджикистана до сих пор сохраняется влияние отдельных исламистских группировок. К особенностям Таджикистана следует отнести партию религиозного толка «Партия исламского возрождения Таджикистана» (ПИВТ), которая долгое время была парламентской и только в 2015 году признана террористической организацией в Таджикистане, что отличает республику от других центральноазиатских государств. Эта политическая партия являлась уникальным прецедентом для центральноазиатского региона. Есть отдельные экспертные мнения считающие, что гражданская война в Таджикистане была не совсем внутривластной, а скорее носила черты международного конфликта, инициированного зарубежными игроками и их финансовыми возможностями. Очевидно, что помимо внешнего влияния в Таджикистане существовали и внутренние проблемы, которые привели к гражданской войне: низкий

уровень социально-экономической обеспеченности жителей республики, маргинализация таджикского общества, безработица, бедность, клановость и т.д. С подписанием соглашения первостепенная задача была решена и общество обрело мир, но активизация экстремистских угроз продолжилась.

10. Окончание гражданской войны и угроза повторения драматических событий, казалось бы, должны были повлиять на снижение уровня религиозности населения Таджикистана. Но последние тенденции свидетельствуют об обратном, что религиозность в поствоенный период находилась в стадии «спячки» и сегодня наблюдается заметный рост религиозности. В целом следует отметить снижение политического рейтинга исламской партии после гражданской войны. И причин может быть несколько: реформация партии, смена форм ведения борьбы за власть, отказ от открытой экстремистской повестки дня и т.д. Данные причины скорее свидетельствуют о снижении интереса к данной политической группе, но не позволяют однозначно говорить о дерадикализации таджикского общества. События гражданской войны в республике позволяют усвоить несколько уроков. Первый урок. Опыт показывает, что игнорирование исламского фактора в Таджикистане может привести к отрицанию любой идеологической конструкции, взрыву экстремизма на религиозной почве и попыткам государственного переворота. Второй урок. Высокий уровень религиозности населения сохраняется. Третий урок – сегодня ставка экстремистов делается на молодёжь, как наиболее уязвимую группу, подверженную влиянию радикальных пропагандистов и фанатиков, составляющую 70% населения Таджикистана (большая часть которой безработная). Поэтому Таджикистан (среди других центральноазиатских республик) следует отнести к государствам-лидерам по уровню религиозности населения, средний возраст которого 25-30 лет, что делает угрозу распространения экстремизма на религиозной почве ещё более масштабной и серьёзной.

11. В Республике Таджикистан официально действуют около 4 тысяч мечетей, из которых 370 являются соборными. Из всех центральноазиатских республик в Таджикистане больше всего имамов на душу населения – 1 имам на 2210 человек (всего 3914 имамов). При том, что меньше всего религиозных образовательных учреждений.

В республике функционирует только один государственный исламский институт на все население страны – 8,65 млн человек. Государственная власть осуществляет жёсткий и строгий контроль за деятельностью духовных лидеров и религиозной организации: все имам-хатибы назначаются Советом улемов по согласованию с Госкомитетом по делам религии; аттестация имам-хатибов в Таджикистане проводится в течение последних 9 лет; зарплату имам-хатибы получают из государственного бюджета; расходы на содержание и благоустройство мечетей покрываются за счет пожертвований прихожан. Также в 2017 году Комитет по делам религии Таджикистана запретил назначать имам-хатибами людей, получивших религиозное образование за рубежом. Комитет контролирует тематику проповедей настоятелей и даже выпустил специальную брошюру с текстами выступлений. Во всех мечетях Душанбе и других крупных городов Таджикистана установлены камеры видеонаблюдения. Помимо всего прочего действует закон «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» 2011 года, обязывающий родителей не допускать участия детей в деятельности религиозных организаций; посещение детьми мечетей запрещено до достижения ими 18 лет; с 2005 года в Таджикистане также запрещен вход в мечети женщинам; Комитет по делам религии и упорядочения национальных традиций, торжеств и обрядов при правительстве Таджикистана имеет право самостоятельного рассмотрения дел об административных правонарушениях, причем с 2012 года суммы штрафов за нарушения деятельности религиозных организаций резко повышены и превышают среднемесячный доход граждан республики⁶³.

12. Таджикистан в течение долгого времени рассматривался отдельными политическими силами, поддерживающими экстремизм на религиозной почве, в качестве плацдарма для радикально-подрывной деятельности. Подпольные экстремистские организации в Таджикистане связаны с организациями и радикальными течениями Афганистана, Пакистана, Египта, Ливии и др. США и их спецслужбами неоднократно предпринимались попытки установления контактов

⁶³ Егоров Е.Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: диссертация ... кандидата политических наук. – Санкт-Петербург, 2015. – 227 с.

с религиозными деятелями Таджикистана для усиления своих позиций в регионе.

13. Массовая трудовая и образовательная миграция таджикской молодёжи за рубеж выступает вынужденной мерой, но создаёт новые риски распространения экстремизма. Помимо стран постсоветского пространства приоритетными для таджикской молодёжи являются арабские государства (Саудовская Аравия, Кувейт), США, Канада, Австралия и другие. Отдельная часть молодёжи выезжает в зарубежные мусульманские страны для получения религиозного образования (Египет, Иран, Пакистан, Йемен). Оказавшись за пределами родной республики, представители молодёжи становятся объектами вербовки и экстремистской пропаганды, наибольшим рискам подвержены лица не способные заплатить за образование и вынужденные учиться в центрах с сомнительной репутацией.

14. Смягчение наказания к салафитам в Таджикистане, даже как вынужденная и тактическая мера, может привести к осложнению ситуации. В 2014 году в Уголовный кодекс Таджикистана были внесены изменения и дополнения, которые коснулись освобождения от уголовной ответственности членов экстремистских организаций, добровольно признавших свою вину и искренне раскаявшихся. С одной стороны, данная мера позволяет избежать наказание лицам, которые оказались сторонниками салафизма по незнанию или легкомыслию. С другой стороны, создаёт сложный прецедент в системе религиозно-общественных отношений, когда в период активизации экстремистских угроз государство ослабляет систему государственного наказания, а не ужесточает законодательство. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что мировыми центрами салафизма являются Саудовская Аравия и Катар, которые имеют свои интересы в Таджикистане. Можно предположить, что смягчение наказания к салафитам способствует укреплению отношений между Таджикистаном, Саудовской Аравией и Катаром, последние из которых являются богатыми нефтяными государствами. Но в то же время оказывает скорее негативное влияние на религиозно-общественную сферу, создавая опасный правовой прецедент. Есть отдельные мнения, что подобная политика Таджикистана может рассматриваться как компенсаторная, направленная на дистанцирование от своего партнёра – шиитского Ирана. Причина

в том, что официальный Тегеран не только не признал Партию исламского возрождения Таджикистана террористической, как этого хотели в Душанбе, но и принял на высшем уровне лидера этой запрещенной в 2015 году партии – Мухиддина Кабири⁶⁴.

15. Попытки США оказывать давление на руководство Таджикистана в вопросах религии и демократии провоцируют активизацию экстремистских угроз в центральноазиатской республике. Ещё в 2016 году комиссия США по свободе вероисповедания в странах мира (USCIRF) опубликовала ежегодный отчет, в котором указала что Таджикистан – это «страна, вызывающая особую озабоченность». Основанием для этого послужило якобы отсутствие в республике свободы вероисповедания и убеждений. Мы полагаем, что американское давление извне не способствует гармонизации религиозно-общественных отношений в Таджикистане, а может привести к обратному результату – возникновению чувств безнаказанности за экстремистскую деятельность в таджикском обществе.

16. Мониторинг информационного контента в Республике Таджикистан позволяет прийти к неутешительным выводам: свыше 80% активных пользователей интернета из Таджикистана получают контент экстремистского характера в социальных медиа; по официальным данным на 2017 год 1094 жителей Таджикистана входят в ячейки террористической организации ИГИЛ (большая их часть придерживается «салафизма»); территориально жители республики (по официальным данным), попавшие в вербовочные сети террористов, проживают в Хатлонской, Согдийской, Горно-Бадахшанской автономной областях, в районах и городах республиканского подчинения, в городе Душанбе; большая часть завербованных жителей Таджикистана являются трудовыми мигрантами, выезжавшими на заработки в другие страны. Резюмируя анализ некоторых причин, связанных с активизацией экстремистских угроз на религиозной почве в Таджикистане, следует подчеркнуть, что относительная стабилизация внутривнутриполитической ситуации в республике, однозначно, оказывает позитивное влияние на религиозные отношения в обществе. Вместе с тем угроза

⁶⁴ Салафиты в Таджикистане: экстремисты или временные друзья // <https://ru.sputnik-tj.com/analytics/20160517/1019624861.html> (дата обращения: 03.10.2018).

распространения идеологии экстремизма на религиозной почве не спадает, а набирает заметные обороты, что связано с внешними причинами и низким уровнем социально-экономической обеспеченности жителей Таджикистана.

17. Туркменистан в общественно-политическом плане представляет собой страну с относительно стабильной социально-политической обстановкой, что обеспечивается закрытостью государства, прагматичностью внешней политики и минимизацией зарубежного давления на внутривнутриполитические процессы. Поэтому некоторое время было принято считать, что Туркмения смогла обезопасить себя от угроз проявления экстремизма на религиозной почве. Однако более детальный анализ общественно-религиозной ситуации в стране указывает на целый ряд факторов, которые способны привести к активизации идеологии экстремизма и радикализма.

18. Политика в религиозной сфере изначально носила двойственный характер. С одной стороны, государством происходила поддержка распространения религиозных идей и ценностей в общественном укладе. С другой, формировался фактор «подконтрольной» исламизации общества. В управленческой практике признавалось, что ислам служит опорой политической стабильности и власти, но, в то же время, запрещалась любая деятельность политико-религиозных структур и партий. Официальных данных о совершённых актах террористами в Туркмении нет и это можно объяснить закрытостью государства от внешнего внимания. В то же время ставка на государственный жёсткий контроль, хотя является и эффективной, но не может служить единственным механизмом в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Не говоря уже о том, что «контрольная политика», как правило, приводит к успешному обеспечению безопасности в мирное время и при любых турбулентностях может привести к общему сбою всей системы.

19. Особое значение в религиозной сфере играют отношения между Туркменистаном и Афганистаном, которые определяются следующими трендами: на территории Афганистана проживает около 1 млн туркмен; с 1994 года усиливается влияние талибов на Туркмению. Мы полагаем, что афганский территориально-приграничный фактор оказывает влияние на распространение идеологии экстремизма

в Туркмении. Поэтому полагаться только на собственные силы в вопросе обеспечения безопасности сегодня становится крайне сложно. Вызывает беспокойство сращивание в Туркменистане экстремистских группировок и наркобизнеса, контролирующих каналы поставки наркотиков из Афганистана в страны СНГ. Не смотря на комплекс мер по противодействию наркоторговле, Афганистан остаётся одним из самых сложных регионов в этом вопросе.

20. К причинам, усиливающим экстремистские тенденции в Туркмении, следует отнести кланово-межплеменные противоречия, которые не теряют своей значимости в общественно-политических и экономических отношениях. Привилегированное положение сохраняется за выходцами из Ахалского вейлата, что способствует «аристократизации» общества и социальной несправедливости. В таких условиях обращение к религиозным канонам выглядит востребованным и вынужденным в глазах жителей республики и отдельных вейлатов. Кланово-межплеменная вражда, имеющая исторические корни, сегодня трансформировалась в кланово-элитарное противостояние и борьбу с экономическими ресурсами и политическими должностями. Поэтому можно предположить, что кланово-элитарный фактор со временем будет только усиливать религиозную ориентацию отдельных регионов Туркменистана и произойдёт формирование зон «проталибанского», «протурецкого», «проиранского» влияния, что недопустимо для суверенной центральноазиатской республики.

21. При всей закрытости политической системы Туркменистан хоть и минимизировал внешнее давление на республику, но не смог его избежать. Разработанный США акт о международной религиозной свободе вынудил прежнего Президента Туркменистана С. Ниязова внести корректировки в нормативно-правовые документы и ослабить контроль за деятельностью незарегистрированных религиозных объединений в государстве – была отменена уголовная ответственность в отношении незарегистрированных конфессиональных организаций, осуществляющих свою деятельность. Заинтересованность третьих сил в туркменских ресурсах вызывает беспокойство и тревожность.

22. Немаловажное значение в активизации экстремистских угроз в Туркменистане имеет культ личности, сформированный прежним

политическим руководством страны. И хотя при действующем Президенте Туркменистана Г. Бердымухамедове наступила «политическая оттепель», она не смогла кардинально исправить ситуации, но заметно улучшила «политический климат» в стране – расширение прав и свобод граждан республики, разрешённый доступ к сети интернет, более ответственная социальная политика.

23. Имеет свои особенности и трудовая миграция из Туркменистана. В отличие от других центральноазиатских регионов значимость России для трудовых мигрантов из Туркмении значительно меньше. Приоритет отдаётся: по лингвистическому принципу (близость туркменского и турецкого тюркоязычных государств) Турции, по территориальному принципу – Ирану и странам Персидского залива. Поэтому Туркмения вызывает особый интерес у этих государств.

24. Проблема экстремизма на религиозной почве в Туркменистане заметно обострилась с 2014 года, что связано, в первую очередь, с появлением на туркменско-афганской границе боевиков ИГ (запрещена в Российской Федерации) и усилением пропаганды салафитских идей внутри страны. Мы полагаем, что в случае дальнейшего переноса афганского конфликта на территорию Туркменистана и продвижения боевиков ИГ (запрещена в Российской Федерации) через северные провинции Афганистана в центральноазиатский регион, проблема приобретает всеобъемлющий масштаб и возникает угроза не только для Туркмении, но и для других стран СНГ. Поэтому может возникнуть потребность в оказании военной помощи со стороны братских постсоветских государств и их союзов.

25. Туркменистан реализует многовекторную внешнюю политику и придерживается принципов нейтралитета. Но без оказания помощи со стороны стран СНГ и членов ОДКБ бороться с экстремизмом на религиозной почве становится сложнее. США и их партнёры предпринимают попытки оказывать помощь Туркменистану в рамках стратегического партнёрства «C5+1», но при этом имеют собственные интересы в регионе. Сложность сотрудничества центральноазиатских республик с США, на наш взгляд, обусловлено следующими факторами: у США остаётся всё меньше конструктивных ресурсов для закрепле-

ния своей роли в борьбе с международным экстремизмом и терроризмом; сотрудничество с Америкой наносит серьёзный урон политической и экономической стабильности государств, поскольку США, хотя бы в силу первой причины, в итоге предлагают две модели сотрудничества «ручное внешнее управление» или «майдан»; США стоят за серией исламистских и иных революций в мире, свержают неудобные политические режимы; основной инструмент борьбы с терроризмом и экстремизмом, используемый США, это сила, исключаящую любую ответственность за военные действия в сторонних странах; национальные интересы США являются единственно-значимыми в мире.

26. Сотрудничество с таким партнёром, как США, создаёт новые риски для Туркменистана. Поэтому, мы считаем, что сотрудничество Туркмении с Россией и странами СНГ в вопросах борьбы с глобальными вызовами, могут рассматриваться стратегически важными для всех сторон взаимодействия. Не говоря уже о историко-культурной близости наших братских государств. В основе общей консолидации России, Туркмении и других стран Центральной Азии и СНГ для обеспечения международной безопасности должны быть заложены новые принципы сотрудничества: формула «полицентричности», а не «многополярности»; формула «безопасного мира», а не «мирного сосуществования»; не прагматизм, а взаимовыгодность и равноправный диалог. На эти принципах, на наш взгляд, должна строиться общая работа России, центральноазиатских республик, стран СНГ в борьбе с экстремизмом и терроризмом, имеющим глобальное значение для всего мира. В основе сотрудничества постсоветских государств, даже независимо от внешнеполитических взглядов, должен быть заложен принцип традиционализма (а не либерального эгоизма), обусловленный уважительным отношением к ближнему, что способствует пониманию и отсутствию неразрешимых проблем между ними, в том числе в отношении эффективной борьбы с радикалами, экстремистами и террористами.

27. Резюмируя анализ некоторых причин, связанных с активизацией экстремистских угроз на религиозной почве в Туркменистане, следует подчеркнуть, что сегодня происходит трансформация афганского конфликта и его перенос в Республику Туркменистан. Усиление экс-

тремистского подполья в государстве и ряд внешних факторов могут привести к дестабилизации положения в стране. При этом Туркменистану справиться с экстремистскими угрозами самостоятельно становится крайне сложно.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акаев В. Ислам и политика (на примере Чечни). Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). – М., 2001. С. 139–141.
2. Алейников М.В. Исламский экстремизм в Казахстане и Центральной Азии как угроза региональной безопасности // Мир Евразии – 2011, № 3 (14). – С. 5–8.
3. Алимова К.Т. Религиозный экстремизм в Кыргызстане в переходный период // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. LVII междунар. науч.-практ.конф. № 1(53). – Новосибирск: СибАК, 2016.
4. Андреев А.А. Взлёт и падение партии исламского возрождения в Таджикистане // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 98–113.
5. Антонян, Ю.М. Экстремизм и его причины. / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2010. – 314 с.
6. Арендт Х.О насилии // Пер. с англ. Г.М. Дашевского – М.: Новое издательство, 2014. С.54–67.
7. Арчаков М.К. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия: монография / М.: Издательство Юрайт, 2018. – 295 с.
8. Аршинова А.И. Сущность и специфические особенности экстремизма / А.И. Аршинова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 3. – С. 12–21.
9. Асамудинов Б.А. Терроризм и его влияние на безопасность Центральной Азии // <http://www.easttime.ru/analytics/tsentralnaya-aziya/terrorizmi-ego-vliyanie-na-bezopasnost-tsentralnoi-azii> (дата обращения: 26.07.18).
10. Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Азии. Материалы международной конференции / Под ред. А.А. Князева. – Бишкек, 2008.
11. Бабаханов И.А. Противодействие экстремизму и терроризму в Республике Узбекистан // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2012. – № 2. – С. 109–113.

12. Баева Л.В. Молодёжный экстремизм в современной России // Обзор НЦПТИ. №5. 2015. С.16-21.
13. Базылева С.П. Антитеррористическая политика Узбекистана в рамках региональной антитеррористической политики ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. – 2017. – т. 19, № 3. – с. 239–244.
14. Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии: учеб. пособие / А.В. Белоглазов. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 294 с.
15. Бердалиев К.Ч. Основные направления противодействия киберпреступности с экстремистской установкой в Киргизии // Вестник Московского университета МВД России. – М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2011, № 3. – С. 212–215
16. Бердалиев К.Ч. Организация деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики в сфере противодействия религиозному экстремизму: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.11 – Москва, 2013. – 219 с.
17. Болтенкова Л.Ф., Власов В.И. Экстремизм: теория, законодательство, практика противодействия. – М.: Этносоциум, 2014. – 194 с.
18. Бондырева С.К. Молодежный экстремизм: предупреждение и профилактика. Учебно-методическое пособие – М.: Московский психолого-социальный университет (МПСУ), 2015. – 588 с.
19. Ботобеков У. Внедрение идей партии «Хизб ат-Тахрир алислами» на юге Киргизии // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М.: Карнеги, С. 129–152.
20. Бумеранг радикализма в Казахстане. Традиционный ислам проигрывает на рынке идей // http://www.ng.ru/ng_religii/2018-08-14/14_448_kazakhstan.html (дата обращения: 20.09.2018).
21. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовноправовые и криминологические основы противодействия: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.05 / В.А. Бурковская. М., 2006. – 376 с.
22. В аэропорту Ашхабада ужесточили проверку вернувшихся из Турции женщин // <http://antiterrortoday.com/geografiya-terrorizma/proyavleniya-terrorizma-i-ekstremizma-po-stranam/s-n-g/tsentralnaya-aziya/turkmenistan/15482-v-aeroportu-ashkhabada-uzhestochili-proverku-vernuvshikhsya-iz-turtsii-zhenshchin> (дата обращения: 08.10.2018).

23. В Таджикистане определили экстремистски настроенные регионы // <http://ru.orien.info/polotica/749-v-tadzhikistane-opredelili-ekstremistski-nastroennye-regiony.html> (дата обращения: 7.10.2018).

24. Васильев Л.Е. Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом /М.: Учреждение Российской академии наук Институт Дальнего Востока РАН, 2009. – 172 с.

25. Ветренко И.А. Научно-методологические подходы к изучению экстремизма как социально-политического явления. / И.А. Ветренко. // Дискурсология, методология, теория, практика. Материалы III международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс ПИ», 2010. – С. 68–73.

26. Волков В. О природе исламского радикализма // Отечественные записки. 2003. № 5(13). С. 46–51.

27. Воронцов С.А. Исламский радикализм как угроза национальной безопасности современной России // Философия права. 2008. № 6. С. 94–100.

28. Вызовы безопасности в Центральной Азии. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 150 с.

29. Выступление президента Таджикистана Э. Рахмона на встрече с духовенством. Пресс-служба президента РТ // Интернетиздание «AsiaPlus», 04.07.2013.

30. Габдуллин Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ. Т.14, В.1. 2011. С. 26–41.

31. Галиуллина С., Карабулатова И., Котик К. Трансформация межконфессиональных установок в условиях террористической угрозы на территории России // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 20. № 3. С. 103–116.

32. Галиуллина С., Сулейманов А., Ниязова Г., Бакулина Ю. Особенности влияния исламского радикализма на современный политический процесс в России // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 20. № 4. С. 91–99.

33. Гамзатов Т.М., Власкина А.С. Исламизм как угроза региональной безопасности в центрально-азиатских республиках // Конфликтология, 2016. – № 4. – С. 394–409.

34. География экстремизма в Казахстане // <https://365info.kz/2017/11/geografiya-ekstremizma-v-kazahstane/> (дата обращения: 20.09.2018).

35. Голиков С. Вам, конечно, плевать на Туркменистан. Но он может скоро напомнить вам о себе // <https://www.nalin.ru/vam-konechno-plevat-na-turkmenistan-no-on-mozhet-skoro-napomnit-vam-o-sebe-6630> (дата обращения: 01.10.18).

36. Государство и религия в Казахстане: совершенствование модели отношений // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31239027#pos=3;-220 (дата обращения: 20.09.2018).

37. Грозин А.В. Религиозный экстремизм в Центральной Азии: основные общие причины появления // URL: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2017/08/16/религиозный-экстремизм-в-центральной/> (дата обращения 25.07.18).

38. Громов А. Чему обучали религиозных лидеров Таджикистана в немусульманских США // Институт религии и политики, 04.01.2007.

39. Гусев Л.Ю. Борьба с терроризмом и экстремизмом в странах Центральной Азии и Афганистане. Роль ОДКБ // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – №1. – С. 126–133.

40. Дейнека О.С. Психологические предпосылки политического экстремизма в среде студенческой молодежи в странах Евразийского Союза // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 163–175.

41. Демидов С. Религиозные процессы в постсоветском Туркменистане // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (16), 2001.

42. Дехконбоев И.Н. Экстремизм и терроризм как угроза безопасности человечества и роль Узбекистана в борьбе с этими негативными явлениями // Международная конференция АТЦ СНГ «Информационное противодействие терроризму и экстремизму». – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – С. 78–84.

43. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д., 2003. С.373–377.

44. Добаев И.П., Добаев А.И., Гаджибеков Р.Г. Радикализация ислама в Российской Федерации // Москва – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2013. – 332 с.

45. Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной прак

46. Егоров Е.Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 – Санкт-Петербург, 2015. – 227 с.

47. Жусупова Г.Б. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с экстремизмом в Республике Казахстан: криминологические аспекты: диссертация ... кандидата юридических наук – Челябинск, 2012. – 243 с.

48. Жээнбеков Э.Т. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия религиозному экстремизму: по материалам Кыргызской Республики: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 Москва, 2006.

49. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противодействии экстремизму» // Казахстанская правда, 26.02.2005. № 45–46.

50. Закон Республики Таджикистан от 28.06.2011 г. № 739 «О свободе совести и религиозных объединениях». Ст.8, п.6.

51. Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8). С.112–128.

52. Исламистское подбрюшье России // <http://rusplt.ru/society/kazakhstan-islamisty-i-ugroza-26962.html> (дата обращения: 20.09.2018).

53. Казанцев А.А. Ключевые факторы развития угрозы международного терроризма в Центральной Азии и Афганистане / А.А. Казанцев, С.М. Медведева // 25 лет внешней политике России. Сборник материалов X Конвента РАМИ: В 5 томах. М.: МГИМО, 2017. – С. 124–135.

54. Казанцев А. Постсоветский Туркменистан: малоизвестное настоящее и неопределённое будущее // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsovetskiy-turkmenistan-maloizvestnoe-nastoyashchee-i-neo/> (дата обращения: 09.10.2018).

55. Кадиева А.М. Сущность и классификация экстремизма // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 3. С. 27–30.

56. Кадыралиев А.Э. Религиозный экстремизм в Центральной Азии // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, 2017. – т.23. – С. 247–252.

57. Кадыров Ш. Этнические истоки, эволюция и перспективы туркменской государственности // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. 2004, №1 (139). С. 74.

58. Как Казахстан борется с экстремизмом // <https://camonitor.kz/31183-kak-kazakhstan-boretsya-s-ekstremizmom.html> (дата обращения: 25.09.2018).

59. Каширкина А.А. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом / А.А. Каширкина // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 75–84.

60. Козукулов Т.А. Проблемы борьбы с религиозным экстремизмом в Ферганской долине в условиях глобализации: диссертация... кандидата политических наук: 23.00.04 – Ош, 2009. – 171 с.

61. Кретов Б.И. Политический экстремизм и терроризм как специфические формы политического процесса/Б.И. Кретов//ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2014. – № 1 (42). – С. 24–31.

62. Кукеева Ф.Т. Молодые интеллектуалы Центральной Азии изучают вопросы распространения экстремизма и терроризма среди молодежи // Причины распространения идей терроризма и религиозного экстремизма среди молодежи стран Центральной Азии. Сборник материалов молодежного форума. – Алматы, 2017. – 202 с.

63. Кулагин А.И. Исламизация – угроза светским режимам Центральной Азии // Вестник развития науки и образования. – 2017. – № 10. – С. 10–18.

64. Лаумулин М. Религиозная ситуация и угроза религиозного экстремизма в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Том 15. Выпуск 1. 2012. С.60–79.

65. Малашенко А.В. Ислам в России: религия и политика // Исламоведение. 2010. № 3. С. 67–85.

66. Малышев Д.В. Сирийский кризис и угроза радикализации ислама в Центральной Азии // Проблемы европейской безопасности: Сб. науч // Проблемы европейской безопасности. – Т. 2. – ИНИОН РАН М, 2017. – С. 66–102.

67. Мамытов Т.Б. Центральная Азия: радикальные исламистские организации // Известия вузов Кыргызстана, 2017. – № 10. – С. 150–153.

68. Махмадиев Н.Д. Социальные корни религиозного экстремизма в Таджикистане: диссертация ... кандидата философских наук.- Душанбе, 2012. – 167 с.

69. Медведев И.А. Религиозный экстремизм как негативное явление в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11. Часть 1, 2, 3. – С. 375–378.

70. Мендкович Н. Туркменистан – наиболее вероятная цель для атаки экстремистов в ЦА // <http://inozpress.kg/news/view/id/53044> (дата обращения: 09.10.2018).

71. Мендкович Н. Туркмения под ударом. Произойдёт ли в стране экстремистская революция? // <https://regnum.ru/news/polit/2434765.html> (дата обращения: 09.10.2018).

72. Мекерова М.Д. Суфизм в России: история и современность // Социокультурные, политические и гендерные проблемы современного российского общества: Материалы 49-й научно-методической конференции «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2004. С. 211–215.

73. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / под ред. А.В. Возженикова. – Москва: Эксмо, 2006. – 526 с.

74. Международный терроризм и экстремизм: факторы угроз, тенденции распространения и меры противодействия : учеб. пособие / Ж.А. Шалабаев; МВД РК, КарЮОИ. – Караганда, 2010. – 354 с.

75. Миц Д.С. Противодействие экстремизму в современной России // Вестник Прикамского социального института. 2017. С. 34–40.

76. Молдокеева Ж.Ф., Асылбекова А.Т. Гендерная дискриминация как фактор религиозной радикализации женщин на юге Кыргызстана // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета, 2016. – № 10. – С. 174–177.

77. Мырзаибраимов С.А. Религиозно-экстремистские организации в центральноазиатских странах (на примере Кыргызстана) // Молодой ученый. – 2016. – № 18. – С. 384–388.

78. Набиев Р.А., Шакиров И.Я. Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // Вестник РУДН, серия Международные отношения, сентябрь 2015, том 15, № 3. С. 83–90.

79. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамұра, 2003. – 240 с.

80. На севере Таджикистана закрыли десятки мечетей // <http://www.stanradar.com/news/full/28242-na-severe-tadzhikistana-zakryli-desjatki-mechetej.html> (дата обращения: 01.10.18).

81. Нунуев С.-Х.М. Политические факторы распространения религиозного радикализма в постсоветской Чечне // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 241. – С.240–244.

82. Об усилении борьбы с экстремизмом в Таджикистане // <http://www.stanradar.com/news/full/20337-ob-usilenii-borby-s-ekstremizmom-v-tadzhikistane.html> (дата обращения: 01.10.18).

83. Олейник В.И. «Вертикальная» и «горизонтальная» исламизация Западной Европы в контексте миграционного кризиса // Власть. – М. 2016. №5. С. 181-184.

84. Олейник В.И. Радикальный ислам в современном мире: политический аспект. // Вестник Академии экономической безопасности. – М. 2015. – № 6. – С. 40–42.

85. О результатах борьбы с экстремизмом на территории государств – участников СНГ: аналитический обзор / С.А. Спиридонов [и др.]; под общ. ред. О.Ф. Коновалова, Ю.Н. Демидова. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2015. – 37 с.

86. Особенности проявления религиозного экстремизма в Казахстане и механизмы противодействия: монография / С.З. Канаев [и др.] ; Мин-во образования и науки РК, Карагандинский университет Болашақ. - Караганда: Болашақ-Баспа, 2014. – 237 с.

87. Панарин С. Молодёжь, национализм и безопасность (по материалам опросов в России и Казахстане) // Вестник Евразии, 2000. № 3. С. 79–113.

88. Пищик А.М. Концепция национальной идеи России // Educatio. 2015. № 5(12). С.69.

89. Поляков К.И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М.:УРСС, 2001. – 157 с.

90. Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 136 с.

91. Пономарев В. Ислам в системе государственной политики Узбекистана и Туркменистана //Россия и мусульманский мир. Бюл-летень реферативно-аналитической информации. 2002. – № 4 (118). – С. 87–90.

92. Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 241 с.

93. Пулатов Р.А.У., Ражабов Ҳ.И. Сотрудничество Республики Узбекистан и ШОС в борьбе с религиозным экстремизмом и международным терроризмом // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2018/02/85926> (дата обращения: 07.06.2018).

94. Райзберг Б.А., Лысенко А.А.Экстремизм: истоки проявления способы противодействия: монография. – М.: Издательство Московского-психолого-социального университета, 2015. – 94 с.

95. Рамакант Триведи. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы // Сравнительная политика. – 2011. – т.2. № 4(6). – С. 109–123.

96. Рахматов И. Внешние факторы развития и радикализации ислама в регионе Центральной Азии // Интернет-издание «Ислам в СНГ», 13.11.2010.

97. Реджепов А.О борьбе Туркменистана с религиозным радикализмом и терроризмом // <http://www.islamsng.com/tkm/analytics/11488> (дата обращения: 02.10.18).

98. Религиозный экстремизм и терроризм в Республике Казах-стан: Ивент-анализ 2011 года // <https://articlekz.com/article/5950> (дата обращения: 23.09.2018).

99. Религия против терроризма: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 6 октября 2016 г. / под ред. Н.С. Кирабаева, М.М. Мчедловой, Ю.М. Почты, Д.Б. Казариновой. – Москва: РУДН, 2017. – 224 с.

100. Решетняк А.В. Терроризм и религиозный экстремизм в Центральной Азии: проблемы восприятия. Кейс Казахстана и Кыргызстана. – Астана, КИСИ при Президенте РК, 2016. – 86 с.

101. Роль традиционных религий в противодействии экстремизму и терроризму: сб. метод. материалов. – Алматы: Институт философии и политологии КН МОН РК, 2011. – 150 с.

102. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму и экстремизму на постсоветском пространстве / З. А. Кокошина // Вестник Московского университета. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 97–124.

103. Рябинская Т.С. Социокультурные детерминанты молодёжного экстремизма в современной России: региональный аспект: диссертация ... кандидата социологических наук. 2017. – 135 с.

104. Садиков М.И., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2009. – 430 с.

105. Салафиты в Таджикистане: экстремисты или временные друзья // <https://ru.sputnik-tj.com/analytics/20160517/1019624861.html> (дата обращения: 03.10.2018).

106. Семедов С.А. Политический ислам в современном мире: Дисс. ... д-ра филос. наук. / РАГС при Президенте РФ. М. 2009. – 367 с.

107. Сенгирбай М. Суфийская идеология, шаманистские ритуалы: как религиозные группы добились популярности в Казахстане? // Центральная Азия и Кавказ. – 2018, № 1. – С. 82–88.

108. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие / Под ред. Дибирова А.З. Махачкала. Изд-во ДГУ, 2009. – 965 с.

109. Сулейманов А.Р. Региональная безопасность и национальная политика России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС, 2015. – № 3. – С. 158–160.

110. Сулейманов А.Р. Федерализм как национальная идея России: в поисках универсума // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–1 (66). С. 170–172.

111. Сыдыкова Л.Ч. Борьба с экстремизмом в Кыргызстане: проблемы законодательного регулирования // Вестник КРСУ. 2016. Том 16. № 6. С.84–87.

112. Титаренко И.Н. Противодействие религиозно-политическому экстремизму и терроризму: информационно-идеологическое воздействие против насилия/И.Н. Титаренко//Информационное противодействие угрозам терроризма. – 2013. – № 21 (21). – С. 17–26.

113. Токтосунова Э.С. Геополитические факторы системной трансформации политического процесса в Кыргызстане // Геополитика и безопасность, № 3(27), Санкт-Петербург, 2014 – С.53–58.

114. Токтосунова Э.С. Экстремизм в условиях системной трансформации современного Кыргызстана // Аналитические заметки о Центральной Азии #40. Бишкек. 2016. – 32 с.

115. Трофимов Я.Ф. Религиозный экстремизм: учеб. пособие / Я.Ф. Трофимов; Министерство образования и науки Республики Казахстан, Карагандинский университет «Болашак». – Караганды: Болашак-Баспа, 2012. – 192 с.

116. Тулепов А.Н. Возникновение религиозного экстремизма в Казахстане // Образование и наука в России и за рубежом. № 6. 2018.

117. Туркменистан: под колпаком религиозного экстремизма // <https://yvision.kz/post/726689> (дата обращения: 05.10.2018).

118. Туркменистан становится очагом экстремизма // http://ca-snj.blogspot.com/2015/03/blog-post_66.html (дата обращения: 03.10.2018).

119. Туркмены в Афганистане // https://ru.wikipedia.org/wiki/Туркмены_в_Афганистане (дата обращения: 01.10.18).

120. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях / под. ред. И. Н. Панарина, А. А. Казанцева. – М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. – 50 с.

121. Федулова В.В. Экстремизм как социально-политический феномен / В.В. Федулова // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 3. – С. 67–79.

122. Цуркан А.А. Исламский радикализм: анализ подходов и возможностей взаимодействия России и США: автореферат дис. ... кандидата политических наук [Место защиты: Ин-т Соединенных штатов Америки и Канады РАН]. – Москва, 2012. – 42 с.

123. Чеботарёв А. Экстремизм в Казахстане: современное состояние и вопросы противодействия // <http://www.stanradar.com/news/full/20793-ekstremizm-v-kazahstane-sovremennoe-sostojanie-i-voprosy-protivodejstviya.html> (дата обращения: 25.09.2018).

124. Чудинов С.И. Экстремизм в глобальном обществе риска. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 170 с.

125. Шарипов Ф.Р. Место и роль органов внутренних дел в противодействии экстремизму в Таджикистане // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010 – № 4. – С. 26 – 30.

126. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы: монография / Тамаев Р.С. – Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2009. – 263 с.

127. Экстремизм как цивилизационный вызов: коллективная монография / науч. ред. д-р филос. наук, профессор В.Ш. Сабиров; Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин). – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. – 419 с.

128. Экстремистский текст и деструктивная личность: моногр. / Антонова Ю.А., Веснина Л.Е., Ворошилова М.Б., Злоказов К.В., Тагильцева Ю.Р., Карапетян А.А.; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 276 с.

129. Эмомали Рахмон: Средний возраст населения Таджикистана сегодня составляет 25 лет // Интернет-издание «Азия-Плюс», 23.05.2013.

130. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. (Серия: Библиотека зарубежной психологии). – 342 с.

131. Olimova S., Olimov M. Islamic Revival Party in the inter-Tajik conflict and its settlement. Central Asia and the Caucasus. 2001. No 1 (13).

132. Satanovsky E. Whether there will be in the Middle East a new war? [electronic resource] // Lenta.ru: [web site]. URL: lenta.ru/conf/satanovskiy/ (дата обращения: 20.09.2018)

133. The American Foreign Policy Council's World Almanac of Islamism // <http://almanac.afpc.org/Tajikistan#> (дата обращения 29.09.2018).

Подписано в печать 18.10.2018.
Формат 60х84/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Тираж 25 экз.
Заказ № 6312. Отпечатано в типографии
ООО «Издательство «Диалог»,
450076, г. Уфа, ул. Гафури, 54, тел. (347) 251-78-29,
e-mail: dialogufa@mail.ru
Сайт: elasgroup.ru

